

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ВОЛК И СЕМЕРО
КОЗЛОВ

Владимир Григорьевич Колычев

Волк и семеро козлов

Серия «Колычев. Мастер криминальной интриги»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624175

Колычев В. Г. Волк и семеро козлов: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49147-6

Аннотация

Что осталось за спиной у тридцатисемилетнего зэка Ролана Тихонова? Крутые разборки, на которых он губил жизни таких же, как и сам он, отморозков; три срока и два побега, за которые в общей сложности ему набежало двадцать пять лет колонии строгого режима. И еще Аврора, его судьба, его богиня... Это ради нее он сел в третий раз, чтобы раз и навсегда покончить в тюрьме с человеком, который пытался отнять у Авроры ее бизнес, а потом убить ее и детей. Ради благополучия любимой женщины Ролан поставил на кон все, что имел, — свободу и жизнь. И неожиданно выиграл...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	20
Глава третья	35
Глава четвертая	51
Глава пятая	70
Глава шестая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Владимир Колычев

Волк и семеро козлов

Глава первая

Пелена темно-серых облаков касалась рваными краями земли, катившееся к закату солнце окрашивало небо в багровые цвета, и потому казалось, что на горизонте пылают гигантские пожары. Отблески солнца – как языки пламени, клубящиеся облака – словно дым... Красивая картина, завораживающая. Тревожная...

«Может, не надо ехать к Авроре? Она – успешная женщина, я – беглый зэк. У нее – дети, размеренная жизнь, я же – ходячий ворох проблем... Не пара мы. Не пара...»

Нога будто сама по себе нажала на педаль тормоза, руки вывернули руль вправо, и машина съехала на обочину. Водитель достал из кармана сигарету, закурил, глубоко затянулся.

Это был мужчина среднего возраста, с резкими, выразительными чертами лица, на котором читалась усталость человека, с избытком хватившего лиха в своей жизни. Возможно, когда-то эти черты отличались аристократической утонченностью, но долгая и жестокая борьба за выживание огрубила, ожесточила их. Глаза холодные, но не пустые, взгляд сильного, хотя и не совсем уверенного сейчас в себе челове-

ка. Он рвался к любимой женщине, однако будто колючая проволока со множеством «но» перерезала ему дорогу, и не продрасться через нее...

Он уже собирался повернуть назад, как вдруг заметил темно-зеленую «Ниву», выезжавшую из леса на дорогу. Мужчина хорошо знал окрестности. Чужаки сюда забирались крайне редко. Поэтому появление «Нивы» показалось ему подозрительным, и водитель «девятки» вышел из своей машины.

Ролан Тихонов так запутался в своей жизни, что смерть порой казалась ему единственным выходом из того тупика, в который он сам себя загнал. Беглец только что отказался от Авроры, и теперь ему уже терять было нечего. Поэтому он со спокойной душой вышел из своей «девятки» и, придав лицу раздраженное выражение, поднял руку.

Водитель «Нивы», мужчина с узким, вытянутым лицом, не очень-то хотел нажимать на тормоза, но Ролан фактически перегородил ему дорогу, поэтому пришлось остановиться. Стояла весна, снег не так давно стоял, на лесных дорогах распутица, поэтому «Нива» была заляпана грязью по самую крышу.

Рядом с водителем сидел бородатый мужчина с пышной шевелюрой, но, занятый своими мыслями, он даже не смотрел на Ролана.

– Ну чего тебе? – нехотя опустив стекло, недовольно поморщился узколицый.

Как и его пассажир, он был в теплой камуфляжной куртке, на заднем сиденье валялись зачехленное охотничье ружье и патронташ. Но не на зверей и птиц охотятся эти люди, сразу подумал Ролан. Возможно, на прицеле у них гораздо более крупная дичь.

– Слышь, мужик, я на Урядье правильно еду? – переминаясь с ноги на ногу, спросил Ролан.

– А ты сам как думаешь? – повеселел водитель.

Кажется, он решил, что человек на дороге не представляет для него никакой опасности.

– Да что-то не уверен.

– Рано с шоссе свернул, километров на пять раньше. Дальше надо было ехать...

– А то я смотрю, дорога очень хорошая, а на Урядье – сплошь ухабы... Ну, мне так сказали.

– Не знаю, какие там ухабы... Всё у тебя?

Не дожидаясь ответа, мужчина за рулем закрыл окно и тронул машину с места. Ролан тут же развернулся и направился вслед за ним. Он для того и тормознул «Ниву», чтобы этот его маневр не показался подозрительным. Можно было повернуть назад и без спектакля с Урядьем, но тогда поспешный разворот встречной машины всполошил бы охотников.

Водитель «Нивы» явно не знал, в каком состоянии находится дорога на Урядье, но как туда попасть, сказал правильно. И в самом поселке явно никогда не был. Это говорило о том, что прилегающую к дому Авроры местность он знал в

основном по карте.

Аврора была сестрой бывшей жены Ролана, ей только-только стукнуло шестнадцать, когда закрутился их роман. Это случилось давно, в девяносто третьем году; сейчас ей уже за тридцать, ему – под сорок.

Ролан тогда работал помощником мастера на радиозаводе, получал смехотворную зарплату, жил в одной квартире с тещей. Финансы, как говорится, постоянно пели романсы где-то в далекой стороне; жене, разумеется, такое песнопение не нравилось, и она спуталась с бандитским авторитетом Сашей Гиблым. Но и сам Ролан довольно скоро попал под влияние местной братвы. Сначала просто участвовал в разборках, а потом и сам не заметил, как в его руках оказалось оружие. Конечно, он не должен был убивать любовника своей жены, но вожак его стаи, Волок, вконец заморочил ему голову и искал только случая, чтобы подтолкнуть Ролана к месту.

Однажды Тихонов уже взял Гиблого на прицел снайперской винтовки, но сердце дрогнуло, и он не решился выстрелить. А дальше почти как в футболе – не забиваешь ты, забивают тебе. Гиблый выследил Ролана, вывез в лес, чтобы затем утопить в речке, но, на свою беду, не очень крепко связал пленника. В тот злополучный день Ролан совершил свое первое смертоубийство – и любовника своей жены порешил, и его людей заодно.

То, что он принял грех на душу, защищаясь, было слабым

оправданием. За первым шагом к пропасти последовал второй, третий... Он стал работать на Волока – убивал по его заказу бандитских авторитетов. Тогда и закрутился у него роман с Авророй. Им было хорошо вместе, но все рухнуло в одночасье. Арест, следственный изолятор, суд, приговор – девять лет лишения свободы, этап на зону. Аврора обещала ждать, но вскоре вышла замуж за того самого Волока, который вскоре из мелкого бандита превратился в крупного предпринимателя и даже стал депутатом областного Законодательного собрания.

На свободу Ролан вышел матерым лагерным волком и снова взялся за старое. Но не забывал он и о Волоке, которому девять долгих лет на зоне мечтал отомстить. Он убил своего соперника в перестрелке, но это едва не стоило ему жизни. Его ранили, а телохранитель Волока добил Ролана выстрелом в голову. Спасти его тогда могла только Аврора, но она не стала останавливать этого человека. Повернулась к Ролану спиной, позволив охраннику нажать на спусковой крючок. Незадолго до этой разборки он жестоко обидел ее, и она решила таким образом ему отомстить.

Выжил Ролан чудом. Пять месяцев он провел в больнице, полгода – в следственном изоляторе, после чего снова отправился на зону, откуда в конце концов сбежал. Тихонов пытался начать новую жизнь, поселился на хуторе, у него даже появилась семья... Но взбесившееся лихо сломало все. Судьбе было угодно, чтобы он опять оказался в одной связке

с Авророй. И он, и она стали жертвами одних и тех же отморозков. Его пытались убить выстрелом в грудь. Умирая, он попросил у Авроры прощения за давнюю обиду, и она простила его.

И в этот раз Ролан выжил, снова чудом выкарабкался с того света и даже успел спасти от окончательной расправы Аврору. Но, в конце концов, опять оказался на тюремных нарах. В этот раз она не оставила его в беде. Преданный ей человек устроил ему побег, и Тихонов вновь оказался на свободе. Теперь он Лиманов Илья Викторович, у него своя машина, есть немного денег – и, главное, Аврора ждет его у себя дома. Они любят друг друга, но между ними высокая стена из колючих «но», и он не может ее преодолеть. Вернее, боится...

Ах, Аврора, богиня утренней зари, как называли ее древние греки...

«Нива» выехала на шоссе и взяла курс на Черноземск. Ролан должен был ехать в другую сторону, и ему не стоило сразу поворачивать за ней. Поэтому он выждал некоторое время и последовал за «Нивой», когда она скрылась в потоке машин.

Тихонов знал, где находится особняк Авроры. В свое время он сам охотился за ее мужем и какое-то время следил за его логовом. А подбирался к нему по той самой лесной дороге, по которой выезжала из леса «Нива». Возможно, за усадьбой Авроры велось тайное наблюдение, и если это было

так, то явно не к добру.

Может, и не пара они с Авророй, но зла он ей точно не желает. Если ей угрожает опасность, Ролан должен костями лечь, но сорвать планы ее врагов. Поэтому он и рисковал жизнью, останавливая «Ниву». Ведь если там были киллеры, его запросто могли застрелить, так, на всякий случай. Дорога безлюдная, рядом лес, где можно прикопать труп...

Но ничего пока не случилось, и Ролан спокойно ехал за подозрительной машиной. Дорога шла через один пригород, сразу за которым начинался другой, затем третий – и так до самого Черноземска. Гаишники с радаром на этой трассе никогда не дремали, а водитель «Нивы» явно не желал встречи с ними, поэтому тщательно соблюдал скоростной режим, держал на спидометре не больше шестидесяти–семидесяти километров в час.

Ролан тоже старался избегать контактов с ментами. Его новые паспорт и права с виду внушали доверие, но неизвестно, выдержат ли они проверку милицейским компьютером. По крайней мере, Алик Мотыхин, который сделал ему новые документы, просил лишний раз не светиться на публике – значит, с ними не все было чисто.

Алик был человеком Авроры. Это он когда-то стрелял в Ролана, чтобы отомстить за Волока. Мотыхин и сейчас недолюбливал его, но все-таки устроил Тихонову побег. Да, это Аврора попросила его об услуге, но ведь он ее оказал, тем самым нарушив закон. Как ни крути, а ради Ролана этот че-

ловек пошел на уголовное преступление...

До поста гайшников оставалось совсем немного, когда «Нива» свернула с шоссе на улочку пригородного поселка. Ролан съехал на обочину перед самым поворотом, выждал несколько минут и только потом возобновил преследование.

Улочка была узкой, кривой, ухабистой, дома в основном старые, одноэтажные, за невысокими заборами из штакетника. «Нива» свернула к зданию в самом конце улицы. Узколицый водитель вышел из машины, открыл ветхие дощатые ворота, загнал ее во двор. Ролан мог бы проехать мимо дома, но тогда бы он уперся в тупик. По тропке, что вела в лес через поле, далеко не уедешь, а начнешь разворачиваться – привлечешь внимание.

Тихонов свернул в ближайший проулок и выехал к заросшему кустарником полю, за которым метрах в пятидесяти начинался мрачный сосновый бор. Если он действительно преследовал киллеров, а не случайных охотников, то можно сказать, что жилье подобрано удачно. Ролан и сам в свое время предпочитал такие дома на окраинах поселков, чтобы в случае чего можно было ретироваться в лес. А если еще есть и вторая машина, которую можно там спрятать возле дороги, то отход на случай срочного отступления был просто идеальным. Кустарник в поле высокий, и если что, то под его прикрытием можно легко уйти незамеченным в лес.

Ролан не торопился: время хоть и вечернее, но темнеть еще только начинало, и было глупо сразу лезть в чужой двор.

Он представил себя на месте бородача из «Нивы». Вот его кто-то испугнул, вот он через поле бежит к лесу. Заросли жимолости, вербы и осины, дальше – ели с темной хвоей, за которыми трудно что-либо разглядеть. А там и лесная дорога, густо поросшая травой. Ролан внимательно осматривал прилегающую к дому территорию, пока под поваленным деревом не заметил нагромождение из срубленных еловых лап. Было похоже, что там что-то прятали от посторонних глаз.

Предчувствие его не обмануло. Под ветками лежал на боку мотоцикл, старенький «ИЖ» с полным баком. Чуть дальше под хвойными лапами он обнаружил мотороллер. Техника, скорее всего, была угнанной, но в экстренных случаях ее происхождение не важно, главное – ходовые качества.

Не оставалось никаких сомнений в том, что водитель «Нивы» и его пассажир не в ладах с законом. А может, они боятся еще и тех, за кем охотятся. Ведь у Авроры своя служба безопасности, а там ребята серьезные...

Ролан дождался темноты, полем подкрался к подозрительному дому. У ворот на столбе горел фонарь, светились окна, зато в огороде – темень. Небо по-прежнему было затянуто тучами, луны не видно.

Он служил в десанте, там освоил теорию разведки, подкрепленную регулярными тренировками, но настоящую практику получил уже после армии, когда стал киллером. Ему ничего не стоило незаметно перемахнуть через низкий забор и подобраться к дому. С ограждением он справился

легко, мягко опустился на землю под прикрытием бузины. Надо бы перевести дух, и тогда можно ползти к дому.

Вдруг Ролан услышал пугающий шорох и негромкое рычание. Это на него неслась собака, причем серьезная, натасканная на охрану дома. Такие псы не гавкают – они лишь рычат, полные решимости вцепиться в глотку незваному гостю. А оружия у Ролана нет – ни пистолета, ни даже ножа. Есть только звериная сущность, которую взрастила в нем зона. Он – волк в человеческом обличье, и ему очень повезет, если это удастся доказать готовому к прыжку псу.

Собака уже не могла остановиться, но Ролан вовремя ушел с линии броска. Пес своим могучим телом лишь толкнул его в плечо. Развернулись они лицом к лицу одновременно.

Это была кавказская овчарка, взрослая, матерая особь. Она потеряла скорость и напор, но все еще была опасна. С грозным рычанием собака скалила клыки и готовилась к новому броску. Но и Ролан, сжимая в руке несуществующий нож, готовился с замаха нанести удар. Лютые глаза, звериный оскал, дикая волчья злоба упругими гипнотическими волнами давила на пса, вызывая к его инстинкту самосохранения. Он готов к смертельной схватке, страх сидит где-то глубоко, собака его не чувствует, поэтому она сбита с толку, растеряна. Взъерошенная холка опускается, вытянутый стрелой хвост клонится книзу, взгляд тухнет, рычание стихает, клыки беспомощно смыкаются.

– Сидеть!

Овчарка уже чувствует над собой его власть, она подавлена, ей уже хочется подчиняться, к чему она привыкла. Все-таки она – ручное животное, и Ролан по сравнению с ней – самый настоящий дикий зверь. Но в то же время он человек, и в этом для нее был большой минус.

– Сидеть! – повторил он.

Хвостом овчарка не завиляла, но команду выполнила.

– Молодец, хороший песик! – Он почти ласково похвалил ее, но вдруг резко сменил милость на гнев: – Лежать!

Собака пугливо вздрогнула и, вытянув лапы, легла на бок.

Ролан повернулся к дому. В окне горел свет, во дворе было темно и безлюдно. Он медленно подкрался к дому, время от времени оборачиваясь назад. Мало ли, вдруг униженный пес придет в себя и бросится на него со спины. Но нет, овчарка не подавала признаков жизни, и он смог подойти к ближайшему окну.

Фундамент у дома оказался низким, и ему достаточно было приподняться на носках, чтобы заглянуть внутрь. В маленькой комнате под репродукцией картины «Утро в сосновом бору» на железной койке, заложив ладони за затылок, в одежде лежал узколицый. Размышляя о чем-то своем, он тупо смотрел в потолок.

Второй человек находился в соседней комнате, в горнице – он сидел за круглым столом. Только теперь мужчина был без бороды и пышной шевелюры. Голова у него оказалась

плешивой, а на лице — как минимум двухдневная щетина. Если бы не выпуклые надбровные дуги, глубоко посаженные глаза и крупный, картошкой, нос, Ролан мог бы и не признать его. Но это был тот самый тип, что сидел на пассажирском сиденье. Накладная борода и парик валялись сейчас рядом на скамейке. Посматривая на экран телевизора, мужчина чистил пистолет, разобрал его на составные части.

За одним с ним столом сидел безусый юнец с широким лбом и непропорционально узким подбородком. Этот курил, с напускной небрежностью рассказывая что-то «бородачу», но тот слушал его вполуха.

Пистолет, как правило, чистят после применения. Возможно, «бородач» ездил в лес, чтобы потренироваться в стрельбе вдали от города. Но почему он делал это в окрестностях усадьбы Авроры? Случайность или нет?

Впрочем, пистолет можно чистить, чтобы снять раздражение. Ролан по себе знал, что возня с оружием успокаивает нервы мужчине лучше, чем женщине — вязание на спицах. Особенно это занятие хорошо помогает перед выходом на дело. Может, завтра эти люди отправятся убивать Аврору?

«Бородач» закончил чистить пистолет и так посмотрел на юнца, что того будто ветром сдуло из-за стола. Сам он лег на диван перед телевизором. Скоро в комнате появился и узколицый; он лениво развалился на стуле и тоже уставился в экран.

Через какое-то время юнец принес в комнату дымящуюся

сковороду, поставил ее в центр стола. Ролан понял, что это жареная картошка, возможно, на сале. Рот наполнился слюной, в животе капризно заурчало. Он только что вспомнил, что ничего не ел с утра. А юнец, будто издеваясь, продолжал накрывать на стол. Появились банка с огурцами, нарезанное ломтиками сало, хлеб горкой. Посередине парень водрузил бутылку водки.

Ролан завистливо сглотнул слюну и продолжил наблюдать за компанией. Обитатели дома ограничились бутылкой и разошлись по разным комнатам. Но прежде чем погасли окна, во двор вышел сначала один, затем другой. Их интересовала сколоченная из досок кабинка метрах в десяти от дома. Не повезло им, что удобства оказались на улице, зато Ролан мог на этом сыграть. Он дождался, когда в доме заснут, и занял место возле той самой кабинки. Может, посреди ночи кто-нибудь выйдет до ветру...

К нему подошла собака. Голова опущена, хвост виляет.

– Лежать!

Она покорно исполнила команду, и Ролан, обняв ее, лег рядом. Какой-никакой, а источник тепла.

– Хороший пес, хороший, – приговаривал он, расчесывая пальцами собачью холку.

Он пригрелся, даже задремал. И если бы не пес, мог бы прозевать жертву. Но собака дернулась, учуяв человека, и тем самым привела в чувство Ролана.

Ролан не позволил ему справить нужду. Он напал сзади,

когда парень открывал скрипучую дверь, слегка придушил его и потащил в конец огорода. Из-под телогрейки что-то выскользнуло, и он ощутил не сильный, но все же удар по ноге.

Не ослабляя хватки, Ролан наклонился, подобрал с земли пистолет. Это был «ТТ», хорошо знакомая система.

Надо было быть полным бараном, чтобы сунуть пистолет за резинку трусов, что сделал юнец, отправляясь во двор по нужде. Так ствол и без всякого нападения потерять можно... Но парень еще неопытен и глуп, к тому же он уже поплатился за свое ротозейство. Но еще остались двое, их никак нельзя было списывать со счетов.

Ролан отволол юнца в дальний конец огорода, в самую гущу бузины. Ослабил хватку, дал немного прийти в себя. Он держался у него за спиной, не позволяя смотреть на себя.

– Будешь кричать – придушу! – шепотом пригрозил он. – Ты меня понял?

– Кхы-кхы... Да, понял, – прохрипел парень.

– Как тебя мать зовет?

– Женя... А почему только мать?

– Потому что жалко. Не тебя жалко, а твою мать. Не хотелось бы оставить ее без сына. Но придется...

– Э-э... А что я такого сделал?

– На том свете спросишь. Там тебе и ответят, а потом сами спросят... У Авроры двое детей, мальчик и девочка, а ты, упырь, убить ее хочешь. Такое не прощается...

– У какой Авроры?

– Сам знаешь, у какой. Не надо мне тут ваньку валять, я все знаю. Кто ты такой, знаю, зачем ты здесь, тоже знаю. Осталось только придушить тебя, как куренка...

– Я... Я не хотел... Это все Паша! – запаниковал парень.

– Что Паша?

– Он все должен сделать. Я не знаю, кого он должен убить... Но знаю, что должен...

– Не знаешь, кого, но знаешь, что заказали... Кто женщину заказал?

– Я не знаю...

– А кто знает?

– Паша.

– Тот, который с бородой сегодня был?

– Да, был... Они сегодня жертву ездили высматривать...

– Ясно... С тобой только не совсем ясно. Зачем ты с ними?

– Я... Мы... Костя мой брат, ну, не родной, двоюродный. Ему помощник нужен, он меня с собой и взял. Денег пообещал.

– Людей убивать помощник нужен? Тебя сейчас только честность может спасти. Лет-то тебе сколько?

– Семнадцать.

– Ну что ж, тогда тебе повезло, несовершеннолетних я не убиваю.

Ролан связал парня, заткнул ему кляпом рот и снова направился к дому. Дверь должна быть открытой, и если так

оно и есть, он сможет проникнуть внутрь и взять киллеров тепленькими.

Но, увы, пока он возился с мальчишкой, настоящих убийц прозевал. Дверь действительно была открыта, но в доме никого. Пока он осматривал его изнутри, пока заглядывал в погреб, ушло время. Когда понял, куда делись киллеры, было уже поздно их догонять. Или они заметили, как Ролан свалил Женю, или у кого-то сработало чутье на опасность... Так или иначе, они покинули дом через окно и, перемахнув через забор, ушли в лес. И даже «Ниву» свою оставили. Преследовать их Ролан не стал. И время он упустил, да и физическая форма оставляла желать лучшего. Он еще не совсем оправился от ранения, полученного в прошлом году. Простреленное легкое зажило, но серьезная физическая нагрузка вызывала сильную одышку. Впрочем, один сильный козырь у него на руках был. Это – Женя, который поможет выйти на киллеров.

Глава вторая

Весна вступала в свои права. Южный ветер в считанные дни подсушил размокшие в распутицу улицы, в деревьях заиграл сок, на их ветвях набухали почки, птицы щебетали без умолку. И душа рвалась из грудной клетки на свободу, как прозревший Кай – из ледяного дворца Снежной королевы. И все же Аврора не так была рада весне, как прежде. Если бы это была хотя бы прошлогодняя весна... Но нет, это новый апрель, и она уже не так молода, как год назад. А следующей весной – страшно подумать – ей исполнится тридцать два, дальше – больше... Оттого и тоскливо на душе.

Но как бы то ни было, Аврора настежь распахнула окно – так вдруг захотелось, чтобы кабинет наполнился свежим дыханием весны. И совсем не важно, что уборщица проветривала помещение незадолго до ее прихода. Такой вот невольный порыв возник у нее.

– А вот это ты зря! – услышала она вдруг за спиной.

Первым ее побуждением было позвать охранника, оставшегося в приемной, но разум все-таки возобладал над страхом. Ведь она узнала этот голос, а значит, бояться ей нечего. Во всяком случае, так хотелось думать.

– Ролан, ты? – не оборачиваясь, спросила она.

Он вплотную приблизился к ней, она ощутила его запах – несвежий, прокуренный, но такой волнующий. Любимый

мужчина может пахнуть чем угодно, хоть сырым подвалом – от этого он не станет противен. Если, конечно, это любимый мужчина.

Аврора замерла в ожидании. Сейчас Ролан обнимет ее, мягко, но плотно прижмет к себе, задушит в своем поцелуе... Но Ролан всего лишь взял ее за плечи, отвел в сторону, быстро закрыл окно и зашторил его.

Вид у него был помятый, мешки под глазами, борода неухоженная, на щеках трехдневная щетина. Грубый он, жесткий, но в этом его очарование. И еще ей нужен был сильный мужчина, она ощущала острую потребность в нем.

– Как ты сюда попал? – спросила она.

Только что Аврора ощущала себя деловой женщиной, строгой, энергичной, целиком сосредоточенной на неотложных проблемах бизнеса, которые ей приходилось решать практически в одиночку. Даже весеннее настроение не могло вывести ее из этого состояния. Но вот появился Ролан, и она разомлела, размякла под действием сурового мужского обаяния. Только он был способен создать столь подавляющую разность потенциалов. Только он сейчас мог очаровать ее...

– Я думал, ты меня ждешь.

– Да, я тебя ждала...

Они расстались совсем недавно. Она вытащила его из тюрьмы; он приехал к своей бывшей подруге, а Аврора якобы случайно оказалась там. Но ведь он ехал не к ней, а к другой женщине. К тому же он был пьян, когда Аврора вышла

к нему... И дернул же его черт набраться в тот день сразу после того, как он очутился на свободе! Аврора психанула и уехала. Так убегает от своего избранника деревенская девушка, мечтая о том, чтобы тот поскорее ее догнал.

И вот – не прошло и трех дней, как они снова вместе.

– Но я не думала, что ты проникнешь ко мне в офис.

Аврора подалась к нему, желая прижаться к сильному мужскому телу, но деловая женщина в ней воспротивилась наплыву диких первобытных страстей.

– Я тоже не рассчитывал, что мне предстоит сюда пробираться. Я думал, что зря еду к тебе. – Ролан грустно смотрел на нее. – Я и сейчас считаю, что мы не пара...

– Ты можешь думать, что хочешь, но я тебя ждала.

Деловая женщина была близка к полной капитуляции, но Аврора не желала ей даже приятного поражения. Не в ее характере проигрывать. Да и слезы вдруг навернулись на глаза. Все это заставило ее повернуться к Ролану спиной и медленно пройти к своему креслу. По пути она зацепилась взглядом за открытую дверь в стенном шкафу. Вот, значит, где он прятался, дожидаясь ее.

– Я в этом почему-то сомневался.

Он тоже не остался на своем месте. Сначала зашторил второе и третье, последнее окно, затем сел в кресло за приставным столиком. Ролан волновался, но, как машинально отметила про себя Аврора, вел себя раскованно, ничего не стеснялся. Что ж, на то он и мужчина. Особенный мужчина. Как

минимум особенный...

– Я же тебя простила.

– Да, но у тебя другая жизнь.

– И ты можешь начать другую жизнь. Мне все равно, как тебя зовут, Ролан или Илья... Для меня ты всегда будешь Роланом. Парнем, которого я когда-то любила...

– Когда-то.

– Я не сказала, что не люблю тебя сейчас... Зачем ты зашторил окна?

– У тебя хороший вид из окна. Парк, река, мост через нее... Только вот высотка с эркерными окнами мне не нравится.

– Она не загромождает вид.

Высотку построили недавно, это элитный дом, красивый, и находится он хоть и близко, но немного в стороне, у подножия холма, на котором возвышался супермаркет.

– Да, но из него видны твои окна.

– Кому? Снайперу?

– Соображаешь.

– Ты не переживай, стекла у меня бронированные. Пулю из винтовки выдержат.

– Что, был случай?

– Был.

Она не стала рассказывать, что в свое время Мотыхин сходил с ума, пытаясь подчинить ее себе. Ролан тогда сбежал из колонии, и Алик придумал сказку, что это он сделал исклю-

чительно ради того, чтобы отомстить Авроре. А для убедительности выстрелил в окно из снайперской винтовки, представив дело так, что это Ролан покушался на нее... Но Алик уже успокоился, у него новая любовь, и больше он не лезет в ее личную жизнь. В их с Роланом личную жизнь.

Никуда Ролан от нее не денется. В конце концов, она не просто женщина, а еще и хищница...

– Давно на тебя покушались? – озадаченно спросил он.

– Прошлым летом.

– Киллера взяли? Заказчика установили?

– Нормально все...

– Я бы не сказал... Не нравится мне твой офис.

– А мне нравится, – откровенно любуясь Роланом, сказала она.

– Красиво, не спорю, но ненадежно. Во-первых, к тебе в офис можно проникнуть из супермаркета. Что, в общем-то, я и сделал. Во-вторых, сигнализация здесь дрянь. В-третьих, почему твой телохранитель не осмотрел кабинет, прежде чем ты сюда зашла?

– Я накажу телохранителя. Сигнализацию сменят. Вход из супермаркета заблокируют. Но есть ли в этом смысл? Мне никто не угрожает.

– Это ты так хочешь думать. Чтобы жить спокойно...

Ролан открыл рот, чтобы продолжить, но в это время в динамиках интеркома послышался голос секретарши:

– Аврора Яковлевна, к вам Мотыхин...

Она не успела договорить, как дверь открылась, и в кабинет косолапой походкой тяжеловеса вошел Алик. Когда-то он сам был телохранителем, здоровенным вышибалой без признаков интеллекта на грубом лице. Кто бы мог подумать, что этот парень имел голову не только для того, чтобы «в нее есть». Мозги у него работают, причем неплохо. Не зря он управляет казино, ресторанами, кафе – в общем, всем, чем раньше занимался покойный Михаил Волоков.

– Тсс! – Мотыхин округлил глаза, глядя на Ролана. – Это что за явление?

Алик умел производить на людей пугающее впечатление, его боялись, перед ним заискивали. Но Тихонов даже не изменился в лице, наблюдая за ним. Не сказать, что он смотрел на Мотыхина как на пустое место, но пиетета перед ним точно не испытывал. А ведь Алик представлял для него определенную опасность...

– Даже соскучиться по тебе не успел, – усмехнулся Мотыхин, протягивая Ролану руку.

Тот ответил на его приветствие, но сделал это с невозмутимостью человека, который ничего не боится и ни от кого не зависит.

– Ты же вроде к Марине собирался, – вспомнил Алик.

– А приехал ко мне. И это его личное дело. И мое тоже, – одернула его Аврора.

Признаться, она и сама побаивалась Мотыхина, но присутствие Ролана удивительным образом вселяло в нее уве-

ренность, и она даже почувствовала в себе смелость поставить Алика на место.

– Не все так просто, – покачал головой Ролан и напряженно посмотрел на нее. – Когда-то я охотился за Волоком и знаю, как незаметно можно подъехать к твоему дому. Есть одна дорога. Позавчера я перед ней остановился – и увидел машину на этой дороге. Поехал за ней...

– Зачем? – предельно серьезно спросил Мотыхин.

– Я же говорю, что сам когда-то этой дорогой пользовался. Ясно, зачем... В общем, выследил я этих людей. Одного взял; двое других, правда, ушли...

– И что этот один говорит?

– Тебя хотят убить. – Ролан глянул на Аврору.

– Нет, этого не может быть! – похолодела она.

– Ты в этом уверен? – озадаченно спросил Мотыхин.

– Не совсем.

– Что значит – не совсем?

– Возможно, Аврора с кем-то живет. Возможно, этого кого-то и хотят убить...

Женщину слова Ролана задели за живое, и она как ужаленная вскочила со своего места, нервным шагом сделала круг по кабинету.

– Хорошего же ты обо мне мнения!.. Одна я живу... С детьми...

– Про детей разговора не было, – покачал головой Ролан.

– А про кого был?

– Одного киллера зовут Паша, другого – Костя. У этого Кости есть племянник, и он этого племянника взял с собой на дело. Парню семнадцать лет, мать беспробудно пьет, отец уже умер от пьянки... в общем, он готов на все, чтобы выбраться из нищеты. И дядя на этом сыграл. Я бы этому дяде башку открутил. Но дело не в нем. Дядя сказал, что им кого-то нужно убить, но кого именно, не назвал. А кружили они у твоего дома. – Ролан пристально посмотрел на Аврору. – Я у них оружие в доме нашел. Снайперскую винтовку. А у парня «ТТ» был...

– Это, конечно, хорошо, что ты разворошил это гнездо, – Мотыхин в раздумье несколько раз провел пальцами по подбородку. – Но кто заказал Аврору?

– Почему меня? Может, не меня? – в отчаянии пролепетала женщина.

Аврора была близка к панике. Она хотела жить, она еще слишком молода, чтобы умирать... Она и думать забыла, что совсем недавно считала себя безнадежно старой женщиной.

– Да, твоего садовника... – хмыкнул Алик.

– Не смешно!

– Так никто и не смеется... Хотя кто его знает, – Мотыхин скосил глаза на Ролана. – Может, ты все это придумал?

– Я не сказки сюда пришел рассказывать.

Ролан не стал подкреплять свои слова аргументами. Сказал, как отрезал. И ему можно было верить. Во всяком случае, Аврора так решила. А Мотыхин – ее подчиненный, он

должен сделать все, чтобы сбежавшие киллеры не добрались до нее.

– А если тебе показалось? – не сдавался Алик.

– У меня в машине сидит парень, он тебе все подтвердит, – угрюмо произнес Ролан, глядя Мотыхину в глаза. – И где дядя его живет, расскажет, и как выйти на него можно, тоже расскажет. Можешь съездить в дом, где они жили; наверняка там остались отпечатки их пальцев. У тебя связи в ментовке, можешь пробить этих людей по картотеке. Или ты не должен заботиться об Авроре?

– Должен. В том-то и дело, что должен... Ладно, пошли, покажешь, где твоя машина.

– За городом машина, в лесу; я расскажу, как до нее добраться. А сам здесь останусь.

– Не понял! – нахохлился Мотыхин.

– Спокойно, Алик, все в порядке. Ролан остается со мной...

Авроре было страшно, и поэтому ей не хотелось расстаться с Роланом даже на короткое время. К тому же неизвестно, вернется ли он вообще, если поедет с Мотыхиным.

– Может, ты забыла, кто убил твоего мужа? – взбунтовался Алик.

– Это было давно, – смутилась она.

– А если теперь он охотится на тебя?

– Тогда я уже была бы покойницей, – парировала Аврора. – Ролан обошел охрану, тайком проник в мой кабинет.

Если бы он этого хотел, он бы меня давно убил... И вообще, мы не о том сейчас говорим.

Ролан ничего не ответил, но красноречиво развел руками, глядя на Мотыхина. Дескать, все верно, добавить больше нечего.

– Ну, смотри, ты сама все для себя решила!

Ролан объяснил Алику, как добраться до брошенной в лесу машины, и тот в расстроенных чувствах уехал.

– Я не хочу встречаться с твоим начальником охраны, – деловито сказал Ролан. – Но ты могла бы передать ему схему.

Он попросил у нее авторучку и лист бумаги, на котором набросал схему супермаркета и офисной надстройки. Точками он обозначил места, где надо было бы разместить людей для охраны. Дверь на склад супермаркета, откуда в офис можно подняться по лестнице, холл на третьем этаже на стыке между бухгалтерией и директорской половиной, приемная, само собой. Но еще Ролан почему-то считал, что нужно взять под охрану и туалеты на втором и третьем этаже. Аврора не стала выяснять, почему, – сама догадалась, разобрав надпись «вентиляция». Действительно, в туалет можно было проникнуть по широким вентиляционным трубам как сверху, так и снизу.

– Я не специалист по охране, но знаю, как ее обойти. И если твои люди выполняют мои рекомендации, то здесь ты сможешь чувствовать себя в безопасности. Ну, я на это надеюсь...

– Ты решил заняться моей безопасностью?

– Да.

Ему не требовалось объяснять, почему он принял такое решение. Достаточно было заглянуть в его глаза, чтобы все понять. Любил он Аврору или нет, но она по-прежнему была ему дорога.

– Хорошо, я сейчас вызову начальника охраны...

Она нажала на кнопку под столом, и деревянная панель за ее спиной бесшумно отошла в сторону, открыв проход в светлое и комфортно обставленное помещение. Телевизор, кожаный диван пуховой мягкости, кресла, журнальный столик, пристройка с полным набором сантехники. Это была комната отдыха, где она могла перевести дух одна или в компании близких ей людей. А еще здесь можно было переждать опасность. Мало ли, вдруг бандиты решат взять ее офис штурмом, или нагрянет милицейский спецназ по наводке конкурентов...

– Здесь пока побудь, а я сейчас.

Она оставила Ролана, вернулась в кабинет, вызвала начальника личной охраны Дымарова, показала ему схему и предложила ему воспользоваться. Объяснять, что случилось, не пришлось: Мотыхин уже подробно обрисовал ему ситуацию и велел усилить охрану.

После того как Дымаров ушел, Аврора не захотела оставаться в одиночестве. В чем-то она, конечно, была смелой женщиной, но все равно под ложечкой сосало от страха. По-

этому к Ролану она вернулась с нескрываемым удовольствием.

Он стоял возле кофемашины, из краника которой заполнялись сразу две чашечки.

– Разобрался? – без всякого желания поддеть его спросила она.

– А чего тут разбираться? У нас в каждой камере по такой кофеварке, мы с этим делом запросто.

– Ну да, а когда у вас заканчивался хлеб, вы ели пирожные, – серьезно проговорила Аврора.

– Как ты угадала?

– А я же была у тебя в санатории, не помнишь?

– Помню, все помню, – кивнул он.

Она приходила к нему в тюрьму сразу после того, как он оказался там после больницы. Его простреленное легкое еще не зажило. Настолько болезненно тогда он выглядел, настолько был озлоблен на весь мир...

– Тогда со мной разговаривал какой-то чужой Ролан, – вслух подумала она.

– Бытие определяет сознание.

– Ты даже не пытался приставать ко мне...

– Ты же знаешь, почему. – Он с виноватым видом посмотрел на нее.

Это случилось несколько лет назад. Ролан тогда освобожден после первого своего срока, вернулся к своей бывшей жене, у них стала налаживаться жизнь, но все сломалось в

одночасье. Аврора зашла в гости к сестре и оказалась у нее в квартире наедине с Роланом. Между ними проскочила искра, он не смог сдержаться, а она не хотела уступать ему: все-таки у нее тогда были муж, семья... Нет, она не сопротивлялась Ролану, но и желания отдаться ему не выказывала. Фактически он тогда изнасиловал ее.

– Но я же простила тебя.

– Сначала наказала, потом простила, – вспомнил он.

Аврора могла остановить Мотыхина, когда он стрелял в Ролана, но не стала этого делать – так глубоко сидела в ней обида на него.

– Я не в претензии, – покачал головой Ролан. – За что боролся, на то и напоролся.

– Ты убил моего мужа. Ты сделал меня вдовой... После Миши у меня были мужчины. Я перестала быть порядочной матерью. Женщиной... Ты поступил очень плохо. Но лучше тогда с тобой, чем с кем-то потом... И я не хочу больше ни с кем...

После смерти мужа она действительно ударилась в разгульную жизнь. Не сказать, что пошла по рукам, но красивые молодые люди в ее постели отметились. И сейчас она думала об этом если не с отвращением, то близко к тому.

– А помнишь, как я приходила к тебе в изолятор...

Она была еще совсем юной, Ролан тогда только-только должен был получить свой первый срок. Им устроили свидание в камере напротив дежурной части. Вместо стены там

была решетка, через коридор напротив – менты, которым все было видно. Свет, правда, они выключили, но все равно подсматривали за ними. Аврора спиной чувствовала чьи-то липкие взгляды. Но Ролана отправляли в тюрьму, его ждали долгие годы неволи... Он тоже понимал, что за ними подглядывают, поэтому особо не настаивал. И все-таки она не посмела отказать ему в последнем удовольствии – забралась к нему на колени, обняла за шею, и они сделали это в темноте, тихо, не раздеваясь...

– Тогда ты очень этого хотел.

Она почувствовала, как ноющей тяжестью наливается низ живота, как открываются внутри горячие пустоты, которые срочно нужно было заполнить. Или заполнить, или умереть – одно из двух... Давно с ней не было ничего такого. Хотя, собственно, что удивляться: записные мачо из клубов – жалкая пародия на Ролана. Да и покойный муж не мог с ним сравниться.

– Я и сейчас хочу...

Он подошел к ней, обдал жаром своего желания. И ее мысли знойным водопадом хлынули из глубины сознания. В ушах зашумело, тело запылало изнутри, и только Ролан мог сейчас... Нет, он просто обязан был погасить ее пожар своим огнем. Ведь тушат же огненные факелы в нефтяных скважинах направленными взрывами...

– Ты даже не представляешь, какая ты красивая, – прошептал Ролан.

Он прижал ее к себе, но в какой-то момент Авроре показалось, что их отталкивает друг от друга какая-то центробежная сила, в чьем мощном поле они оказались. На какие-то мгновения она потеряла ориентацию в пространстве и растерялась, не зная, то ли стоит она, то ли лежит, то ли подвешена к потолку вниз головой...

В конце концов она поняла, что сидит на Ролане, конвульсивными, лишь частично осознанными движениями стягивая с него свитер. Ей нужно обладать его сильным и желанным телом, всей своей сутью ощущать обнаженное тепло его плоти. И он ощущал такую же потребность в отношении ее, и он срывал с нее одежды...

Потом она вдруг оказалась на животе, перегнувшись через подлокотник дивана, а Ролан навалился сзади всей своей мощью, целиком и полностью заполнив ее. И если она сейчас могла бояться киллера, то лишь только потому, что его пуля могла оборвать этот праздник животного восторга...

Глава третья

Говорят, что проточная вода снимает плохую энергетику, но сейчас тугие струи душа выбивали из Ролана последние сомнения. Может, они с Авророй и не пара, но выбор уже сделан, и он остается с ней. И даже если она вдруг захочет его прогнать, он не уйдет, пока ей будет угрожать опасность.

Сутки он добирался до Черноземска, вечер и ночь убил на киллеров, все утро допрашивал их помощника, весь день выслеживал Аврору, вчера вечером приехал в супермаркет, спрятался там, пока магазин не закрылся на ночь, затем проник в кабинет, где прождал ее до утра. Пропыленный с дороги, невыспавшийся и несвежий... Но у Авроры даже и мысли не возникло загнать его в душ. Она приняла его таким, каким он был. Как тогда, в изоляторе временного содержания, в камере под окнами дежурной части. Прошное снова ворвалось в их жизнь, но теперь у них есть будущее. Его не повежут в тюрьму, не отправят на этап. Во всяком случае, сейчас. А что будет дальше, зависит от него. И от них обоих...

Ролан вышел из душа. Аврора оставалась на диване все в той же расслабленной позе, в которой он ее оставил. Полностью нагая, она лежала на боку спиной к нему, предплечьем одной руки накрыв лоб. Ладонь другой покоилась на крутом верхнем изгибе согнутой в колене ноги. Ролан достал из шкафа две простыни, одной накрыл свою женщину, из

другой соорудил для себя тунику. Ему тоже не хотелось облачаться в тесные одежды.

– Спасибо, а то я уже начала остывать, – не меняя позы, расслабленно пробормотала она.

– Типун тебе на язык.

– Знаешь, после такой свистопляски и умереть не страшно.

– Мне тоже. Но у меня детей нет.

Аврора встрепенулась, села на диван, подобрав под себя ноги и накрывшись простыней.

– Что ты со мной делаешь? – Она недоуменно смотрела на него.

– А что я с тобой делаю? – не понял он.

– Ты задурил мне голову. Я совершенно забыла о детях!

– Значит, они в безопасности...

– В безопасности?.. Да, в безопасности.

– Я так понимаю, они учатся дома.

– Разве я тебе это говорила?

– Вчера я наблюдал за твоим домом. И видел, как их выводят на прогулку. Няня, охранник – все как положено...

– Ты наблюдал за моим домом?

– Скорее я наблюдал за теми, кто мог наблюдать за твоим домом. Но вчера поблизости никого не было. Позавчера были, а вчера нет...

– Может, ты и за мной следил?

– А как я, по-твоему, оказался здесь? Откуда я мог знать,

где твой офис... У тебя никудышная охрана, меня поражает беспечность твоих людей...

– Но мне уже давно всерьез никто не угрожал. Я перестала бояться...

– А тебе и не нужно бояться. Это их дело бояться. И охранять. И если начальник твоей охраны расслабился, то его в три шеи гнать надо...

– Может, ты станешь начальником моей охраны? – озорно посмотрела на него Аврора.

– Нет, я стану твоим личным телохранителем, – совершенно серьезно сказал Ролан. – Теперь я буду твоей тенью, хочешь ты этого или нет.

– Хочу.

– А начальник охраны должен работать с людьми, контактировать с мент... с милицией. А ты знаешь, какие у меня отношения с этим... хм... органом.

– Но ты теперь Лиманов, а не Тихонов...

– А насколько надежные у меня документы?

– Надежные. Настоящие бланки, проведены через базу... Это я точно знаю. И эта мушкетерская борода тебе очень идет, д'Артаньян ты мой... Черт, если ты д'Артаньян, то я тогда Констанция, а ее, как известно, отравили... Да, неудачное сравнение.

– Какой-то серый кардинал в нашей жизни, похоже, существует... Я так понял, что кто-то уже проверил на прочность окно в твоём кабинете.

– Это у Мотыхина в одном месте играло. Знал, что я к тебе не ровно дышу, поэтому покушение на меня разыграл. От твоего имени...

– Так это я на тебя покушался? – возмутился Ролан.

– Что-то в этом роде, – кивнула она. – И еще Алик шумовую гранату в мусорный бак бросил. В общем, добился, чтобы я в Новомухино уехала, от греха подальше. Он же не знал, что мы там встретимся. А мы встретились. Потому что судьба. А ему не судьба со мной. К счастью, он это понял. Сейчас у него женщина, которую он любит.

– Да, но меня к тебе все равно ревнует.

– Ну, есть чуть-чуть...

– Хотел, чтобы я за границу уехал.

Это Мотыхин «нарисовал» Ролану новую внешность – стильная прическа а-ля мачо, волосы с мокрым эффектом, модная мушкетерская бородка... Честно говоря, последняя ему совсем не нравилась, но на фотографии в паспорте он изображен с ней, и пока от нее не избавишься.

– Даже заграничный паспорт предлагал.

– Да, но ты поехал к Марине, – расстроилась Аврора.

В этот момент она была совсем не той женщиной, что утром вошла в свой кабинет. Спортивная осанка, великолепная грация, умело наложенный макияж, строгое каре с прямой челкой, изысканно-деловой стиль в одежде... А сейчас ее юбка и жакет валялись где-то за диваном, блузка расплзлась по спинке кресла, волосы растрепаны, и она даже не ду-

мала их поправлять. И на Ролана она смотрела как та шестнадцатилетняя несмышленная и наивная девчонка, которая до смерти боялась остаться без него.

Они действительно вернулись в прошлое. Отсюда посыпались и претензии.

– Ну, она как бы моя жена, – смущенно пожал плечами Ролан.

Ему не хотелось начинать этот разговор.

– Бывшая как бы жена!

– Согласен.

– И она знает, что ты меня любишь.

– Знает, – улыбнулся он.

– И Венера это знает!

Ну вот, уже и до первой его жены добралась, до своей родной сестры.

– А ты знаешь?

– Нет... Нет, не знаю! – Глаза у нее возмущенно округлились. – Ты мне об этом не говорил.

– Я говорил. Давно. И на всю жизнь.

– Да, но потом в твоей жизни снова появилась Венера. А потом и Марина.

– Я уже забыл об этом... Да и не о том разговор... Ты говоришь, что Алик успокоился. А так ли это на самом деле? Ты ему доверяешь?

– Да.

– Чем он у тебя занимается? Твоей безопасностью?

– Бери выше... После Волока бизнес остался – клубы, рестораны, все такое прочее. Этим всем Алик и заправляет. А я своим бизнесом занимаюсь, который сама вырастила. Сначала супермаркеты, потом снабжение... Про мой агрокомплекс в Новомухине ты знаешь...

У Марины было свое фермерское хозяйство. Ролан взял эту ношу на себя – пахал, сеял. Надо сказать, ему это нравилось. Как нравилось и то дело, которым занималась Аврора. Кто-то же должен был поднимать сельское хозяйство, кормить людей не заморскими, а своими продуктами.

– В общем, я тут без дела не скучаю.

– Но, может, кому-то твое дело приглянулось?

– Кому?

– Может, Мотыхину?

– Вообще-то была у меня мысль, что Алик метит на мое место, – призналась Аврора. – Может, правда он?

– Все может быть, – кивнул Ролан. – Хотя... Дело в том, что я разговаривал с киллером, точнее, с их помощником. Пацану семнадцать лет, и его уже в это дело впрягли. Беспредел... Так вот, он точно не знает, кого нужно убить. Но знает место, где живет жертва. Это твой дом. И заказчика он не знает, но говорит, что заказ не из Черноземска пришел. Откуда-то из Москвы заказ. И сами киллеры не наши, а из Подмосковья. Если очень захотеть, их можно найти, пробить связи, адреса. Но это время, силы и средства, у меня этого всего нет. Поэтому вся надежда на Мотыхина. Если, конеч-

но, он сам за всем этим не стоит. Но я не думаю...

– Может, он из Москвы меня заказал? Он там часто бывает.

– Нет, дело не только в этом. Если бы он тебя заказал, то помог бы с подходами к тебе. Киллерам не пришлось бы окуливать твой дом, выслеживать тебя. Они бы точно знали верное место, время... Впрочем, если Алик не хотел светиться, он не стал бы их информировать. А он светиться не хочет...

– Значит, все-таки Алик? – раскисла Аврора.

– Ты можешь обходиться без него?

– В каком смысле обходиться без него? – недоуменно повела она бровью.

– Есть место, куда бы ты могла уехать, и чтобы он об этом не знал?

– Нет, он все знает...

– А за границей?

– Ну, за границей можно найти. Дом снять. Или купить... А ты сможешь поехать со мной?

– А загранпаспорт? А виза?

– Да, без Алика этого не сделать. Вернее, можно, но он узнает... Да, наверное, без Алика я обходиться не могу, – сокрушенно вздохнула она. – Без него у меня руки короткие...

– У него есть возможность завладеть твоим бизнесом? Ну, если вдруг что...

– Возможность, конечно, есть, – чуть поразмыслив, произнесла она. – Может, например, взять опеку над мо-

ими детьми, стать генеральным директором и постепенно прибрать их наследство к рукам.

– Было бы неплохо, если бы ты уехала за границу. Вместе с детьми. Но так, чтобы Алик об этом ничего не знал.

– Ну, я не совсем беспомощная, могу организовать такую эвакуацию, – с язвительной иронией в свой собственный адрес произнесла Аврора. – Но я не хочу без тебя уезжать...

– Ничего, вернешься, когда все уляжется...

– Как оно само собой уляжется? Если Алик возьмется за мою фирму, его уже ничто не остановит.

– Ну, это как сказать...

Ролан больше не хотел убивать, но слова, что этого больше не будет, он себе не давал. И если он задастся целью покончить с Мотыхиным, то доведет это дело до победного конца. Тогда Авроре ничего не будет угрожать.

– Что ты задумал? – всполошилась она, угадав ход его мыслей. – Я не хочу, чтобы ты «мокрухой» занимался!

– А если у нас не останется другого выбора?.. Я для себя все решил. Буду с тобой до конца. Или без тебя, но за тебя. Тот, кто хочет тебя убить, будет иметь дело со мной. Тут одно из двух: или я его, или он меня...

– Хорошо, тогда будь за меня. И со мной... У меня есть деньги, мы могли бы снять дом где-нибудь в России. И снимем. Алик ничего не узнает... Да, так мы и поступим. И прямо сейчас...

Это решение Ролан приветствовал медленным кивком го-

ловы. Он давно уже хотел сбежать с Авророй из города куда-нибудь подальше и жить с ней вдали от всей этой суеты. Ему не нужен ее особняк и бизнес, ему нужна только она. Но жаль, что ему придется вернуться в Черноземск. Оставить ее вдали от города, а самому вернуться сюда, чтобы устранить угрожающую ей опасность. Он доберется до Мотыхина, выведает его планы и, если сможет, уличит его в крамоле, твердой рукой вычеркнет из списка угроз. А потом снова вернется к Авроре...

– Отвернись! – потребовала она.

Он повиновался, встал к ней спиной, но увидел ее отражение в зеркале шкафа. Фигура у нее отменная, кожа нежная, плоть упругая, волнующие изгибы, выпуклости... И чего она вдруг застеснялась своего тела?

В том же зеркале он мог видеть и себя. Вот уж кто постарел, так это он сам. Да еще эти татуировки...

Он размотал на себе простыню, бросил ее на кресло, натянул джинсы.

– Что это у тебя такое? – спросила она, расчесывая волосы.

Ее палец показывал на голую чернильную Еву в объятиях дьявола-искусителя.

– Любовь и ненависть всегда рядом, – прокомментировал он значение этой наколки.

– У этой любви нет головы.

Ева действительно была без головы, вместо нее розовел

шрам. Нет чтобы пуля отбила дьяволу-искусителю рога, так она в Еву попала.

– Успокойся, это не моя любовь. Чья-то другая...

– Я знаю, ты меня ненавидел.

– Да, но эта наколка появилась раньше.

– И еще ты собирался отомстить мне за измену...

Ролан повернулся к ней левым плечом, чтобы она не видела женщину, розу и кинжал. Эта наколка действительно символизировала месть за измену.

– Кто тебе такое сказал?

– Красавчик.

Ролан скривился так, будто выпил стакан полынного сока. С Красавчиком он мотал свой последний срок. Этот пройдоха освободился, нашел Аврору, втерся к ней в доверие...

– Он про тебя много рассказывал. Ты для него большой авторитет, – сказала она. – И про твою розу на плече он рассказал. Ты изменял мне, я – тебе. Но мы же друг другу отомстили?

– Я тебе не мстил.

– Да, но с Мариной жил. И у меня было много чего...

– Хватит! – жестким повелительным тоном отрезал Ролан.

Аврора вздрогнула, смиренно и даже преданно посмотрела на него:

– Больше не буду.

– Надо ехать, – более мягко, но так же настойчиво сказал он.

Она покорно кивнула, немного постояла в раздумье, передернула плечами, будто набираясь решимости, и вышла в кабинет. Ролан последовал за ней, увидел, как она открыла сейф, вынула оттуда несколько денежных упаковок с оранжевыми купюрами, уложила их в сумку. Затем вскрыла тайник, встроенный в рабочий стол, достала оттуда пистолет и протянула Ролану «вальтер-99» – отличное оружие, но наверняка незаконное.

– А если конкуренты ОМОН вдруг натравят? – спросил Ролан, сунув пистолет за пояс брюк.

– До этого тайника еще добраться надо.

– Ну, а вдруг?

– Скажу, что ничего не знала.

– А конкуренты есть?

– Ну, есть. Покупательская способность населения растет, новые магазины строятся, торговые комплексы открываются... Да, есть конкуренты, но я бы не назвала их опасными.

– Когда-то Волок мелким бандитом был, его всерьез никто не воспринимал. А потом он весь город под себя подмял. Депутатом стал...

– Да, и бизнес помогал мне делать, – в раздумье приложив палец к подбородку, сказала Аврора. – Мой бизнес...

– Это ты о чем?

– Да был тут один товарищ... Пошли, в машине расскажу.

В приемной навстречу ей поднялся крепкий парень с бессмысленно-застывшим выражением лица. Он собрался увя-

заться за ними, но Аврора осадила его властным движением руки.

– У тебя дома есть машина? – спросил Тихонов.

– И дома есть, и здесь...

– Эту не трогай.

За долгую ночь у него была возможность изучить и супермаркет, и офисную надстройку. Через ворота склада он безошибочно вывел Аврору во двор соседнего дома. Но незаметно уйти не удалось. Перед ней восклицательным знаком вытянулся тощий парень в униформе охранника, в глазах – вопрос.

– Я в салон красоты, – на ходу бросила она. – Скоро буду.

Салон, о котором она говорила, находился на первом этаже жилого дома, но, разумеется, они прошли мимо. На улице Ролан остановил машину – старенькую «тридцать первую» «Волгу», – назвал адрес, объяснил, как ехать. Правда, водитель не хотел их везти, пока Аврора не сунула ему под нос тысячную купюру.

– Так что там за товарищ, о котором ты говорила? – спросил Ролан, обняв ее за плечи.

– Директор Центрального универмага, – прильнув к нему, ответила она.

– Центральный универмаг знаю, а директора нет.

– Вредный мужик, скажу тебе. И напыщенный, как индюк. Но дело свое знал. Воровал безбожно. И универмаг приватизировал, и еще несколько магазинов хапнул...

– Ну, если хапалка была, чего ж не хапнуть?

– Мне, в общем-то, все равно, что там да как. А вот магазины его мне понравились... Вернее, два из них. И место бойкое, и залы просторные... Не надо было Мише об этом говорить, – с запоздалым сожалением вспомнила она.

– Но ты сказала.

– Увы... Этот Корчаков хоть и сволочь, но я больше виновата перед ним, чем он передо мной. Он всего лишь на меня наорал, а я у него все забрала... Вернее, не я, а Миша.

– На то он и бандит, чтобы даром все забирать, – не без презрения хмыкнул Ролан.

– Ну, не совсем даром, но, в общем, по бросовой стоимости. Так запугал Корчакова, что тот готов был все за бесценок отдать, лишь бы только его не трогали. Но мы ему заплатили. Может, и не полную цену, но лучше что-то, чем ничего... Не надо мне ничего говорить, сама знаю, что эта история меня не красит.

– Что было, то было.

– Можно, конечно, сказать, что времена были такие, но факт остается фактом – поступили мы с Корчаковым по-свински. Хотя он и сам хорош. Я к нему приехала, хотела с ним по-человечески договориться, а он на меня наорал, проституткой обозвал... В общем, разозлил меня, а я, в свою очередь, пожаловалась Мише.

– Ну, тогда правильно сделала. За свои слова отвечать надо, – сказал Ролан, ничуть не сомневаясь в правильности

своих суждений.

Слишком уж долго прожил он в том мире, где за неосторожную фразу человек мог поплатиться жизнью. Вот уж где слово действительно не воробей; если вылетит, никакими извинениями назад его не вернешь. И каким же троглодитом нужно быть, чтобы назвать порядочную женщину проституткой! Правильно сделал Волок, что пустил этого дикаря по миру...

Ролан не мог думать иначе, потому что сам готов был на любые жертвы, чтобы защитить Аврору.

– Но Корчаков не жалеет о том, что в Москву перебрался, – вдруг добавила она. – Он там здорово развернулся. И супермаркеты у него, и агрокомплексы. Все как у меня, только в более крупном масштабе... Мы с ним в прошлом году на выставке в Москве пересеклись. Он на меня так посмотрел, что душа в пятки ушла... Только посмотрел. Но ничего не сказал. Но взгляд такой убийственный... Как будто он мне отомстить собрался.

– За что? За то, что он в Москве развернулся?

– Нет, за то, что его здесь унизили... А недавно человек от него приезжал. Хотел, чтобы мы животноводческий комплекс ему продали. Вежливо попросил, а мы вежливо его послали. Хотя цену хорошую предлагал... Мы с нуля этот комплекс поднимали, фермы новые строили, оборудование из Германии везли, комбикормовый завод поставили, убойный цех. Двадцать тысяч свиней в год, производительность –

полторы тысячи тонн чистого веса... Ну, Корчакова понять можно, он сам такие комплексы строит, к монополии стремится...

– Значит, сделка не состоялась и монополии не получилось.

– Ну, это уже не наши проблемы.

– Может, он тебе за это отомстить хочет?

– Он уже отомстил, – мрачно усмехнулась Аврора.

– Кому?

– Кому-то... Он сейчас в СИЗО, суда ждет. За организацию заказного убийства. Подробности я не знаю, но влип он здорово... Хотя, насколько я поняла, он даже из тюрьмы своим бизнесом руководит. И это была его идея наш свинокомплекс купить... Но я не думаю, что ему хватило ума заказать меня из тюрьмы.

– Ну, тюрьма не Марс, там тоже жизнь есть. И заказ можно оформить. Если, конечно, возможности имеются... Я так понимаю, что этот Корчаков не блатной...

– Ну, в каком-то смысле блатной, – улыбнулась она. – В советское время у него большой блат был.

– Я не об этом.

– Я знаю... Не был он блатным, хотя с ворами знался. Но постольку-поскольку. Потому что платил им за крышу. Только не помогли ему воры, когда Миша за него взялся...

– Ну, кто за чепушилу заступится... Нет, не мог он тебя из тюрьмы заказать. Да и зачем ему это, когда статья на шее?

Ему сейчас точно не до тебя...

– Я тоже так считаю. Потому и не думаю на него... Зря мы про него заговорили. Его взгляд у меня до сих пор перед глазами стоит. Страшно.

– Забудь.

– Легко. Ты же со мной, – сказала она и носом зарылась в его плечо.

Машина стремительно приближалась к ее дому. Ролан чувствовал, как холодеют руки и немеют ноги. Аврора все-речь решила сбежать с ним из города, но беда в том, что с ней будут ее дети. А этого он и боялся. Сможет ли он смотреть им в глаза? Волок прожил сволочную жизнь, но ведь он был отцом детей Авроры...

Глава четвертая

Крутая волна с грохотом обрушилась на скалистый берег, брызги взметнулись к солнцу, в них на короткий миг высветилась радуга. Теплый соленый ветер бил в лицо, под ногами шуршала галька, галдели, дрались между собой чайки... Но есть и свои минусы в этой морской идиллии.

– Отстой! – взвизгнул Егорка, протирая рукой забрызганное лицо.

Он чем-то похож на покойного Волока. Плотный, тяжелокостный, и даже лоб такой же массивный и покатый, как у отца. И еще у него та же манера выражать недовольство, морщить нос и кривить губы. Только нет еще в нем отцовской уверенности. Выбрав камень побольше, он гневно зашвырнул его в воду. Тем самым – это было видно по выражению лица мальчишки – он наказывал море за то, что брызги попали в глаза. Вика, подражая ему, тоже бросила камень в море, но тут же присела и принялась сосредоточенно выбирать из гальки мелкие ракушки.

Ей семь лет, и она больше похожа на маму, чем на отца: такая же светленькая, миленькая, глаза ясные, синие, и характер вовсе не вздорный, как у братца.

– На тебе, сука, на! – разошелся мальчишка.

– Егор! – резким, но не надрывным окриком одернула его гувернантка, прямая и плоская как доска женщина лет соро-

ка.

Осанистая, строгая, с магическим взглядом дрессировщи-
ка, она представляла собой классический тип няни, но при
этом была еще домашним учителем и прекрасно справлялась
со своими обязанностями. Егор моментально затих, услы-
шав ее голос.

Аврора устроила Татьяне Федоровне оклад, чтобы та со-
гласилась поехать с ней неизвестно куда. Впрочем, жаловать-
ся той не на что. На окраине курортного поселка на бере-
гу моря они сняли отличный шестикомнатный дом со всеми
удобствами, с виноградной беседкой чуть ли не во весь двор
и высокими кипарисами вдоль забора. Правда, время еще
не совсем курортное – прохладно, ветрено, море штормит,
вода в нем ледяная. Но сегодня уже ничего, распогодилось,
солнце выглянуло из-за туч, а вот вчера с утра до вечера лил
дождь.

Предоставив детей гувернантке, Аврора задумчиво смот-
рела на беспокойное, стального цвета море, а Ролан тем вре-
менем то и дело поглядывал по сторонам. Вроде бы они при-
няли все меры предосторожности, даже сотовые телефоны
выключили, чтобы по сигналу нельзя было вычислить место
их положения. А еще Ролан вынул из машины радиомаячок,
который был установлен для слежения за ней. Аврора отдала
бразды правления своему заму, отрешилась от всех коммер-
ческих забот и теперь вместе с детьми на пару с ним жила в
режиме автономного существования. И, судя по всему, бы-

ла очень этим довольна. Да он и сам чувствовал себя, как в раю. Аврора любит его, и он без ума от нее. Жаль только, что нет сейчас возможности выражать свои чувства. Для Егора он всего лишь телохранитель, и ему очень трудно будет объяснить, почему прислужник лезет обнимать и целовать его маму. Да и Вика – девчонка смышленная, у нее тоже могут возникнуть вопросы.

– Хорошо здесь, – кутаясь в наброшенное на плечи пальто, сказала Аврора. – Море шумит, а на душе спокойно, и на волны нравится смотреть... Ой!

И она, и Ролан прозевали волну чуть ли не вдвое выше обычных. Она слишком быстро поднялась из глубины, закрутилась на гребне, вспенилась и поглотила большой продолговатый камень, что до этого так лихо резал набегавшие волны.

Аврора испугалась, но у нее сработал материнский инстинкт, и, прежде чем отступить, она потянулась к Егору. Но мальчишка вырвался из ее рук. Непонятно, что на него нашло, но он бросился навстречу волне. Хорошо, что Ролан не зевал. В два прыжка она нагнал Егора, сгреб его в охапку, но время было уже упущено, и он не успел убежать от волны. Подгребая под себя гальку, она с гремящим шумом накрыла прибрежную полосу, и Ролан чуть ли не по колено погрузился в воду. Досталось и Авроре. Сначала она засмеялась, но когда отступающая волна потащила ее за собой, ей стало не до смеха. Ролан чувствовал, как галька проседает под нога-

ми, будто болотная топь. Волна тоже потянула его за собой, но все-таки он смог удержать равновесие и успел поймать за руку Аврору, помогая ей устоять на ногах.

Волна схлынула, и Аврора с бледным видом, растерянно посмотрела на Ролана. Но Вику это так развеселило, что смех ее звенел веселым колокольчиком. Татьяна Федоровна стояла в безопасном месте с сухими ногами и держала за плечи девочку. Егор брыкался на руках у Ролана. Веселье дочери заразило Аврору, и она снова засмеялась. Пусть у нее ноги мокрые, зато с детьми ничего не случилось.

– Пусти! – Пнув Ролана ногой, Егор спрыгнул с его рук на сухую землю.

– Все, хватит, нагулялись! – Аврора требовательно махнула рукой в сторону двухэтажного дома с черепичной крышей, что возвышался на невысоком холме над морем.

Склон был не слишком крутым, но подъем все равно показался утомительным, особенно для Авроры с ее мокрыми ногами. Она запыхалась уже на половине пути, зато Егор одолел его играючи. Правда, и поплатился за это.

На узкой тропинке он столкнулся с местным мальчишкой примерно одного с ним возраста. Тощий, с растрепанными волосами, в старенькой клетчатой куртке и грязных мешковатых брюках, он резко отличался от упитанного, хорошо одетого городского ребенка.

Егор, почувствовав свое превосходство над мальчишкой, толкнул его, чтобы освободить для себя дорогу, но тот,

недолго думая, ударил его кулаком в нос.

– А-а! – размазывая по лицу красные сопли, заревел Егор.

Когда Ролан подбежал к нему, парень завизжал, затопал ногами.

– Застрели этого гада! Застрели! – требовал он, тыкая пальцем вслед убегающему сорванцу.

– Спокойно, парень, будь мужиком.

Ролан задрал ему голову, нащупал пальцами точку под затылком, нажал на нее, чтобы остановить кровь.

– Я сказал, застрели его!

– Не солидно, мужик, не солидно, – покачал головой Ролан. – Твой отец сам дрался бы, а ты заступников ищешь...

– Ты не знаешь моего отца! – топнул ногой мальчишка.

– Знаю. Очень хорошо знаю...

Ролан вспомнил тот роковой для себя день, когда впервые ступил на скользкую дорожку. Он занимался самбо в спортзале, после тренировки собирался домой, но к нему подошел парень из одной с ним секции, предложил подзаработать, назвал цену – пятьдесят долларов в час. Ролану тогда очень нужны были деньги, чтобы жена не доставала и теща не пилила. Он согласился поучаствовать в бандитской разборке в роли пушечного мяса. Два десятка бойцов с одной стороны, примерно столько же с другой. Их предводителем был Волок, отец Егора.

На словах с противником договориться не удалось, и завязалась драка. Волока сбили с ног, но он поднялся, ударил

в ответ. В ход пошли цепи, арматурные прутья, кастеты, но Ролан старался обходиться без этого. Он больше пользовался приемами из боевого самбо, крушил противника, но и сам получал. То цепью по спине перетянут, то арматуриной руку отобьют, а кто-то еще к концу драки и кастетом по затылку приложился. Но из боя он не вышел, держался до конца. И Волок, обливаясь кровью, бился до последнего. Правда, победа тогда не далась им в руки: бойцы Саши Гиблого дали над головами несколько автоматных очередей, и Волоку со своей стаей ничего не оставалось, как уносить ноги...

Ролан тогда дал себе слово не участвовать больше в таких авантюрах, но, увы, обстоятельства оказались сильнее. Так и катится он по наклонной плоскости до сих пор... И только сейчас у него появилась зыбкая надежда остановить свое падение.

– Твой отец дрался лучше всех.

– Я тоже хочу драться лучше всех! – заявил Егор.

– Желание – это уже полдела. Могу показать пару приемов.

– Покажи!

– Не здесь и не сейчас, чуть позже. Но обязательно покажу...

Дома Ролан первым делом включил чайник, набрал из крана в таз горячей воды, в шкафу отыскал пакетик с горчицей. Аврору он нашел в своей комнате, она уже сняла мокрые джинсы и натянула шерстяные носки.

– Этого мало, – покачал он головой.

Тихонов посадил ее на стул, снял носки, поставил ноги в таз с горчичной водой, закутал Аврору в одеяло, чуть погодя подлил кипятку.

– Теперь я точно не заболею, – сказала она, сощулив в блаженстве глаза.

– И хорошо, что не заболеешь.

– Может, хорошо, а может, и не очень... Знаешь, я бы не отказалась пару дней поваляться в постели. Ты бы ставил мне горчичники, поил бы молоком с медом и чаем с малиной...

– Чай с малиной я тебе и так сделаю.

За малиной нужно было ехать в магазин на другой конец поселка. Но сначала Ролан переоделся сам, растер промокшие ноги водкой и только тогда отправился в путь.

В магазине он купил продуктов на два дня, несколько баночек малинового джема про запас, молока, меда, пару бутылок полусухого вина на вечер, и с этой добычей вышел к машине. У него екнуло сердце, когда он увидел возле нее двух милиционеров патрульно-постовой службы. Права у него свои, но техпаспорт на имя Авроры, и если у него сейчас проверят документы, то выяснения отношений не миновать. Сначала его обыщут, найдут незаконный «вальтер» за поясом брюк, а это уже само по себе статья. По отпечаткам пальцев установят личность, Авроре достанется за укрывательство беглого зэка...

– Твоя машина? – спросил худосочный сержант с длинным крючковатым носом.

– Нет, хозяйки машина. Мы тут в гости на пару дней заехали, – ответил Ролан, старательно изображая внешнюю беспечность.

– Крутой «мерс», – восхищенно протянул прапорщик с рыхлым, в оспинах лицом.

Он держал автомат стволом вниз, едва не касаясь дульным компенсатором переднего крыла.

– А что значит «шестьдесят пятый»? – глядя на багажник, спросил сержант. – «Шестисотый» знаю, а «шестьдесят пятый» не видел.

– Сейчас такие вместо «шестисотых» выпускают.

– Слышь, мужик, а можно за руль сесть, а? – важничая, но вместе с тем и заискивающе спросил прапорщик.

– Документы предъяви! – с самым серьезным видом потребовал Ролан.

– Чего?

– Да шучу я.

– Шутишь? Гы-гы... Шутит он! Ну, шутник!.. Так можно сесть или как?

Ролан едва не поправил его: не садись, дескать, а присядь. Вовремя одумался.

– Да садись.

Сначала в машину сел прапорщик, за ним сержант, на этом все и закончилось. Не спрашивая у Ролана докумен-

ты, они оба забрались в свой «уазик» и уехали. Ролан перевел дух, уложил пакеты в багажник и отправился в обратный путь.

На одном из перекрестков он увидел симпатичную девушку с распущенными волосами и в джинсах, туго обтягивавших красивые ноги. Заметив «Мерседес», она призывно завила бедрами, а когда Ролан поравнялся с ней, с многообещающей улыбкой протянула руку, пальцем показывая в сторону прибрежного шоссе. Дескать, прокати, не пожалеешь.

Ролан оторвал руки от руля и поднял их ладошками вверх. Все понимаю, но, извини, не могу.

Он живой человек, еще не старый, и кровь в нем играет, как у молодого, но у него есть Аврора, и он не собирался изменять ей. Тем более что девушка с распущенными волосами клюнула не на него, а на роскошный «Мерседес». Машина действительно супер, но лучше он с Авророй покатается. А почему бы и нет?

Но, вернувшись домой, Ролан забыл об этой идее. Ему вдруг стало не до прогулки: Егор пристал, требуя научить его приемам. Пришлось организовать самую настоящую часовую тренировку для начинающих. Сначала он показал, как поймать руку соперника, захватить ее, выкрутить или заломить за спину; продемонстрировал прием, как защититься от ножа, а потом заставил бегать по двору, отжиматься от пола, после чего стал отрабатывать с ним основу основ – боевую стойку. Надо сказать, что Егор не дерзил, не канючил.

Но вряд ли Ролан смог бы заставить его работать, если бы не уличный мальчишка, который расквасил ему нос. Как ни крути, а вражеский кулак — лучший воспитатель.

А еще Егор хотел быть таким же сильным, как отец. Похвальное желание. Лишь бы только парень не стал таким же кровожадным бандитом, как Волок...

После тренировки Ролан приготовил ужин; потом, когда дети заснули, они с Авророй пили вино в ее спальне при свечах. Потом произошло то, что и должно случиться, когда влюбленные остаются одни. Татьяна Федоровна все понимала, поэтому утром не бросала в их сторону косые взгляды.

Перед завтраком Ролан почувствовал першение в горле, к обеду поднялась температура. Аврора заметила его состояние, отменила тренировку, уложила в постель и напоила чаем с малиновым вареньем.

Расслабила его спокойная, вялотекущая, но такая уютная жизнь под одной с ней крышей. Подумаешь, ноги промочил! Не в первый раз. Бывали переделки и похуже. Но сейчас как будто лопнули внутри какие-то пружины, и Ролан беззаботно валялся в мягкой теплой постели, вспоминая последние дни за решеткой. И двух месяцев не прошло, как он вышел на волю, а до этого его держали в холодном карцере. Лихорадка сотрясала изнутри, бредовое состояние держало в плену разум, давая волю больному воображению. Ему было так плохо, что хотелось умереть, но никто не пришел ему на помощь. Кормили черствым хлебом, поили холодной водой, ни

о каких лекарствах не могло быть и речи.

Но все это в прошлом, сейчас Ролан в тепле и уюте; Аврора вкусно его кормила, поила горячим молоком, на ночь ставила горчичники, а по ночам согревала своим телом. А однажды к нему пришла Вика, с деловитым видом села за стол, положила на коленки книгу с картинками и, глядя в нее, своими словами стала рассказывать сказку про волка и семерых козлят. Это было так трогательно, что Ролан едва не пустил слезу. Знала бы Вика, кто убил ее отца...

Он даже пожалел, что проболел всего три дня. Зато на четвертый забрал Аврору и, оставив детей под присмотром Татьяны Федоровны, отправился в город. Он хотел купить собаку, которая бы охраняла двор.

– Взрослую обученную собаку ты здесь не найдешь, – начала головой Аврора. – Тут специализированный рынок нужен. А необученную собаку я купить не разрешу. Взрослая псина опасна для детей.

– Тогда купим щенка. Я сам его обучу.

– И сколько он расти будет?

– Годовалого возьмем.

– Все равно время нужно, чтобы обучить...

– А мы что, куда-то торопимся?

– Ты же сам говоришь, что собака нужна нам сейчас. А насчет торопиться... Мне нравится здесь с тобой. Но все-таки я воспринимаю наш отъезд как отпуск. Месяц-другой я, конечно, выдержу, но потом у меня начнется зуд, потянет на

работу...

– А в Черноземске тебя будут ждать.

– Ты не обижайся, но мне почему-то кажется, что ты нарочно придумал историю с киллером, чтобы увезти меня сюда, – улыбнулась Аврора. – Мне здесь очень нравится, я бесконечно благодарна тебе за то, что ты меня сюда вывез. И я даже не хочу спрашивать тебя, придумал ты киллера или нет.

– Не хочешь, но спросила.

Машина бесшумно катила по шоссейной дороге. Слева нависали горы, покрытые буковым лесом, справа до самого горизонта тянулась темно-синяя гладь моря. Плащ у Авроры был распахнут, платье на ней средней длины; подол приподнялся, обнажив красивые ноги. Она так доступна, и галдящих детей поблизости нет...

– Ну, можно сказать, ты меня вынудил.

– Да, такой я злой и жестокий, коварный злодей...

Он свернул на дорогу, уходившую через лес вверх, в горы, мощный мотор довольно легко справлялся с подъемом.

– Куда ты?

– Ну, как самый настоящий злодей, я должен исполнить свой злодейский замысел. А для этого я должен завезти тебя в лес... – Он остановил машину, поставил ее на ручной тормоз. – Вот, завез.

– И что дальше? – Аврора внимательно смотрела на него, не понимая, шутит он или действительно собирается содейть нечто непотребное.

– Сначала я тебя съем...

Он положил руку ей на коленку, провел ладонью вверх по внутренней стороне бедра.

– Хорошо. Только ешь медленно и по частям.

Она была не против такой игры, поэтому, закрывая глаза, развела ноги, давая его рукам полную волю. И сама же привела в действие электропривод, опустивший спинку кресла...

Машина стояла посреди дороги, на которой в любой момент могла появиться машина, но это ожидание вносило в их забаву некую изюминку. В игру, которую понравилась и ему, и ей. В игру, которую они довели до конца.

В том, что Аврора осталась довольна неожиданным приключением, Ролан еще раз убедился на обратном пути. Собаку они не купили, но договорились с заводчиком, который через пару дней обещал привезти им годовалого щенка немецкого дога. Когда они ехали назад, Аврора кивком головы показала Ролану на знакомый поворот и чуть ли не потребовала изменить маршрут. Разумеется, упрямитесь он не стал и загорелся так, что Аврора приходила в себя до самого дома.

А там их ждал сюрприз. Причем не очень приятный. Как только Ролан вошел в дом, ему в затылок уперся ствол пистолета.

– Спокойно, мужик! – послышался за спиной грубый мужской голос. – Пушку вынул, и на пол!

Щелчок взведенного курка отбил у него всякую охоту возражать. Он молча достал из-под куртки пистолет, бросил его на пол. Не время ему сейчас умирать. Надо разобраться в ситуации, принять меры, чтобы спасти Аврору и ее детей.

Не стоило ему повторно развлекаться в машине: чрезмерное удовольствие ослабило не только мужскую хватку, но и чутье, которым он мог бы уловить опасность. Но интуиция не сработала – ни когда он заезжал во двор, ни когда входил в дом.

– Двигай вперед!

Ствол пистолета надавил на затылок, и Ролан шагнул в сторону каминного зала. Пока он доставал из багажника покупки, Аврора уже успела зайти в дом. Разумеется, и ее тоже взяли на прицел. Она сидела в кресле в каминном зале, рядом с ней с пистолетом в опущенной руке стоял громила в черном костюме. А на диване, забросив ногу на ногу, развалился Мотыхин.

– Ну, здравствуй, здравствуй...

– Чего тебе нужно? – угрюмо спросил Ролан.

Он испытывал чувство неловкости перед Авророй. Ролан должен был защитить ее, но, увы, сам попал в переплет.

– Хороший вопрос, – с вальяжной снисходительностью поморщился Мотыхин. – Только пустой. С чего ты взял, что мне от тебя что-то нужно?

– Ты мог бы убить меня сразу, но если ты с этим тянешь, значит, что-то тебе нужно...

– Логично. Ты действительно мне нужен. Хотя бы для того, чтобы спросить, как тебя угораздило увезти сюда Аврору?

– Это мое решение, – сказала она.

– Не только твое, – недовольно глянул на нее Мотыхин. – Это ваше решение. Вы тайком уехали сюда. От меня.

– Мы уехали вообще, – мотнула головой Аврора.

– И от меня в частности, – настаивал Алик. – Ты решила, что я хочу тебя убить.

– А разве нет?

– Ты стала жертвой домыслов. – Мотыхин с упреком посмотрел на Ролана. – Зачем ты заморочил женщине голову? Ладно, расслабься, никто не собирается вас убивать...

Он махнул рукой, и человек за спиной Ролана вышел из комнаты.

– Сами загнали себя в угол, – усмехнулся Мотыхин, безо всякой агрессии глянув на Аврору. – Если бы я вас хотел убить, лучшего места, чем это, не придумать. Пиф-паф – и трупы в море, всей компанией...

– Так в чем же дело?

– А дело в том, что я не враг, как ты думаешь, – с осуждением в голосе сказал Алик. – И не убивать я вас приехал. А то, что попугал немного, извините. К тому же ты должна понимать, что никакой Ролан тебя не спасет. Тебе нужна полноценная охрана. Если я смог отыскать вас, то и киллеры сумеют выследить...

– Как ты нас нашел?

– Да очень просто. Сколько раз вас на постах останавливали? – с усмешкой глядя на Ролана, спросил Мотыхин.

– Два раза.

Действительно, им дважды приходилось останавливаться на стационарных постах милиции.

– Последний раз вас остановили в Туапсе. И номера вашей машины попали в базу. И здесь вас видели...

Ролан со злостью вспомнил недавнюю встречу с экипажем патрульно-постовой службы. Как чувствовал, что она выйдет ему боком.

– С ментами дружить надо, а не воевать. Менты денежку любят, но работу свою знают, – вещал Мотыхин, язвительно поглядывая на него.

– Мы это уже поняли.

– Не совсем. Менты помогли нам найти киллера – одного из тех, кого спугнул Ролан. Племянник своего дядю сдал, менты нашли зацепку, потянули за ниточку... Ну, и мы помогли. Короче, взяли мужика за жабры.

– И что? – затаив дыхание, спросила Аврора.

– Киллер заказчика сдал, но взять его, увы, не смогли.

– Почему?

– За кордон удрал. Но ничего, мы его достанем...

– Кто он такой?

– Да так, мелкая сошка. Из окружения господина Корчакова... – Мотыхин пристально глядел на нее.

Аврора же, прикрыв раскрытый рот ладошкой, встревоженно посмотрела на Ролана. Было у нее подозрение насчет этого типа, но слишком уж оно казалось слабым, чтобы относиться к нему всерьез.

– Так Корчаков же в тюрьме!

– Да, есть такое. В славном граде Святогорске, в двухстах верстах от Москвы. Но, говорят, он очень неплохо там устроился. Сотовой связью пользуется очень активно. Интернет опять же. Деньги есть, чего не пользоваться...

– Он же в самой Москве вроде бы сидел. Я слышала, что в Матросской Тишине...

– Там он под следствием сидел. А недавно его осудили. Всего на четыре года. Но тюремного заключения. Вот и шлет он теперь письма на волю. По электронной почте. На тебя отмашку дал, – с сожалением глядя на Аврору, развел руками Мотыхин. – Своему человеку. Человек этот сейчас в бегах, но заказ все равно не отменен...

– Значит, тот человек, которого ты вычислил, не заказчик, а всего лишь посредник, – вслух произнес Ролан.

– Да, но соль от этого слаще не становится.

– А почему ты думаешь, что заказчик именно Корчаков? Есть сведения?

– Сведений нет, но есть версия. Посредник – человек Корчакова, а у Корчакова счета с Авророй. Причем не только счета. В наших кругах поговаривают, что он собирается расширить свой бизнес за счет Черноземска. Отсюда и уши рас-

тут...

– Он же в тюрьме сидит? Чего ему там неймется? – с историческими нотками в голосе протянула Аврора.

– Четыре года – это не срок. Если за это время он наш рынок под себя возьмет, то считай, годы на зоне прожиты не зря. Такая вот логика...

– Что же делать? – Аврора с надеждой посмотрела на Мотыхина.

– Да нормально все, не переживай. Главное, заказчика вычислили, а дальше все просто. Ну, не совсем, конечно... Человека нужно искать. Чтобы дело сделал. В святогорской тюрьме. Говорить, какое дело?

– Да мы вроде бы люди не глупые, все понимаем, – натянуто и совсем не весело улыбнулась Аврора. – А есть такой человек?

– Пока нет. Но будем присматриваться.

Разумеется, Ролан понимал, о чем идет речь. Мотыхин собирался найти человека, который мог бы убить Корчакова в тюрьме. И никто при этом не смотрел на него – ни Аврора, ни сам Алик. Никто из них не предполагал его участия в расправе над Корчаковым. Аврора не собиралась впутывать его в свои дела ценой свободы Ролана, а Мотыхин не хотел становиться соучастником преступления. Если Ролан вдруг окажется в тюрьме, может всплыть причастность Алика к побегу, а это статья.

И сам Ролан вызваться на это дело не мог. Во-первых,

он не хотел больше убивать. А во-вторых, колоний в России много, и не факт, что он попадет именно в святогорскую. Убийцу нужно искать среди тех, кто уже сидит под одной крышей с Корчаковым. Для этого воров надо подключать, солидную сумму в общак выделить, а может, и напрямую с кем-то из них расплатиться. Все очень сложно, но возможно – если, конечно, есть сильное желание и большие деньги.

– Я уже закинул удочки, – поднимаясь с дивана, сказал Мотыхин. – Есть кое-какие наработки. Если все получится, думаю, через месяц решим проблему...

Он подошел к окну, выгнул спину, потягиваясь. И вдруг изменился в лице, увидев что-то страшное.

– Твою мать!

Он сунул руку под полу пиджака, но вдруг что-то несколько раз щелкнуло по стеклу, и тут же на затылке Алика вспенился кровавый фонтанчик. Опустив руки по швам, Мотыхин замертво упал на пол.

Глава пятая

Ролан понял, что произошло. Надо было бы выглянуть в окно, чтобы выяснить ситуацию, но со двора стреляют, да и времени на это нет.

Он метнулся к упавшему труп, вынул из пиджака пистолет – такой же «вальтер», какой только что забрали у него. Телохранитель, стоявший возле Авроры, с недоумением смотрел на растянувшегося на полу шефа.

– Ты что, баран? – заорал на него Ролан. – Двери держи!

Кивнув на входную дверь, он схватил Аврору за руку, потащил за собой на второй этаж. Они уже поднялись наверх по лестнице, когда с грохотом распахнулась дверь. Послышались выстрелы – это открыл огонь вышедший из транса телохранитель. Но надолго его не хватило – выстрелы стихли, и Ролан услышал чьи-то быстрые шаги.

Дверь в одну из комнат на втором этаже открылась, и показалось испуганное лицо Татьяны Федоровны – ее встревожила пальба. Но Ролан не позволил ей выглянуть в коридор. Он чуть ли не толкнул на нее Аврору, заставив тем самым няню отскочить в сторону. Враг приближался, и сейчас не было времени разводить церемонии. Аврора потом простит его за грубость – если, конечно, они уцелеют в этой бойне.

Ролан забежал в комнату, где за одним столом сидели Егор и Вика.

– На пол всем! – махая рукой, шепотом прошипел он.

Аврора все поняла, быстро повалила детей на пол за кровать, сама легла рядом с ними. Татьяна Федоровна в панике спряталась за шкаф.

Тихонов прикрыл дверь, оставив узкую щель, чтобы наблюдать за лестницей и примыкающей к ней частью коридора. Вот появился человек в камуфляже и маске, за ним другой. В руках у них были пистолеты-пулеметы с длинными цилиндрами глушителей на стволах. Нужно было быть самоубийцей, чтобы грудью переть на эту мощь, но Ролан, увы, не видел другого выхода. Он мог бы открыть огонь, прикрываясь дверным косяком, но втянуть себя в перестрелку здесь – значило обречь на гибель всех, кто находился в одной с ним комнате. Наемники господина Корчакова уже расправились с Мотыхиным, осталось только добить Аврору с ее детьми – и все, дело в шляпе, дорога на Черноземск с его супермаркетами открыта.

Ролан дождался, когда боевики вытянутся в один ряд на лестнице, и шагнул из комнаты им навстречу.

Человек в маске увидел его, но ствол оружия поднимался на уровень груди Ролана слишком медленно. Это ставило Тихонова в выигрышное положение. Но правая рука почему-то онемела. Мышцы стали ватными, их неожиданно свело судорогой; и палец на спусковой крючок давил вяло, через силу.

Но все-таки он выстрелил первым. И даже как будто уви-

дел, как пуля вылетела из ствола, закручивая за собой пороховые газы. И гул услышал, словно где-то невысоко над головой пролетел реактивный самолет. Вдруг этот гул взорвался резким оглушительным хлопком; пуля мгновенно пропала из виду, наемник дернулся, сложился пополам. И руки уже не ватные, и к мышцам вернулась былая сила, и пистолет легко наводился на цель. Только и второй киллер не дремал.

Ролан выстрелил, падая на бок. Он увел тело с линии огня, на ней осталась только рука с пистолетом. Ответная пуля чиркнула по мякоти предплечья, но боли он не почувствовал. И пистолет из руки не выронил.

Наемник тоже не должен был чувствовать боли. Пуля в переносицу – это мгновенная смерть, какая уж тут боль... Первый раунд пока был за ним – Ролан чудом избежал верной смерти. И хорошо, если он продержится в седле удачи до победного финала. Наверняка наемников не двое, а больше.

Он не ошибся в своем предположении. По трупам спустился с верхнего лестничного пролета, перемахнул через перила нижнего – и в прыжке заметил стоящего в холле человека в маске и с оружием. Тот, конечно, тоже увидел его, но в прицел сразу поймать не смог. Ролан ловко закатился под лестницу, через пустой промежуток между ступеньками сам взял его на мушку и тут же нажал на спусковой крючок.

Он очень спешил, поэтому промазал. Зато заставил противника спастись бегством. Наемник уходил с открытого пространства, забыв об ответном огне, чем предоставил Ро-

лану полную свободу действий – правда, всего на одну-две секунды. Но тот использовал свой шанс, несколькими выстрелами все-таки уложив боевика в момент, когда тот уже почти скрылся в проеме межкомнатной двери.

Четвертого бойца в маске он обнаружил на крыльце дома, но стрелять в него не пришлось: его «успокоил» телохранитель, которого Ролан отсылал к дверям. Парень застрелил налетчика, но и сам получил две пули в грудь и голову. Его тело лежало у дверей, остекленевшие глаза смотрели в потолок.

Труп второго охранника лежал во дворе, рядом с ним еще дымилась тлеющая сигарета. Это он держал Ролана под прицелом своего пистолета, но после того, как Мотыхин его отослал, тот, видимо, вышел во двор покурить. По-видимому, парень так увлекся, что не заметил, как появились киллеры. Потому и дали ему... прикурить.

За воротами Ролан увидел старенький джип «Чероки», вплотную поставленный к забору. На капоте и на крыше – следы ног; налетчики воспользовались им как лестницей, чтобы проникнуть во двор. В машине никого – весь экипаж из четырех человек был уничтожен.

Осознавая весь ужас произошедшего, Ролан не мог считать себя героем, но мимоходом подумал, что ему невероятно повезло. Автомобиль, на котором приехал Мотыхин с двумя своими телохранителями, найти не удалось. Возможно, Алик отогнал его на соседнюю улицу, чтобы Ролан и Ав-

рора не заметили посторонних, возвращаясь из поездки. Искать его машину было глупо: не до нее сейчас, ноги нужно уносить, пока их не накрыла вторая грозовая волна. Мало ли, вдруг группа прикрытия сейчас на подходе.

Аврору он нашел на первом этаже дома – она безучастно смотрела на труп Мотыхина. В ее глазах стоял страх, но какой-то застывший, зацементированный силой воли. Она не позволяла чувству растерянности завладеть своим сознанием. Сейчас Ролан видел не влюбленную женщину, не мать двоих детей, а решительную и энергичную бизнес-леди, каковой по своей сути она и была.

– Это слишком, – медленно произнесла. – Это чересчур.

– Давай за детьми, уезжать надо.

– Да, конечно, надо спешить...

Аврора не металась по дому в панической суете, не создавала неразберихи. И детей подготовила к выезду, и вещи собрала, и еще успела вывести из транса впавшую в истерику Татьяну Федоровну.

Ролан тоже не терялся. Быстро осмотрел рану на предплечье. Пуля слегка задела мякоть, крови немного, и наспех сделанная перевязка решила все проблемы. Затем он тщательно протер тряпкой свой пистолет, вложил его в руку лежащего в прихожей телохранителя, потом взялся за мебель, за глянцевые поверхности, где могли остаться отпечатки его пальцев. При этом не забывал посматривать в окно.

Но волновался он зря: не было ни второй волны, ни мили-

ции. Ролан помог Татьяне Федоровне погрузить вещи в машину, рассадил детей, женщин, сам занял место за рулем.

Поселок они покинули беспрепятственно. Но что дальше? У Авроры был ответ на этот вопрос.

– Возвращаемся в Черноземск, – приказала она.

– Это же опасно.

– Прятаться еще опасней. Охрану найму, милицию подключу, дом превращу в крепость.

– Ну, если охране можно доверять, тогда можно, – не стал спорить Ролан.

Он знал, что ее жилище при желании действительно можно превратить в неприступную крепость.

– Но лучше спрятаться...

– Нет, нельзя, – покачала головой Аврора. – Все очень серьезно. Если против нас бросили такие силы, то, боюсь, не за горами рейдерская экспансия. Корчаков может прибрать к рукам весь мой бизнес.

– Это возможно?

– Да, если не принять меры... Я же не только на свои деньги все создавала – у меня акционерное общество, есть держатели акций моих предприятий... Можно купить их долю, ввести в состав правления своего человека, затем провести прямые инвестиции в предприятия, увеличить капитализацию, размыть мою долю, лишить меня контрольных пакетов. Есть еще метод дробления... В общем, я могу потерять сначала контроль, а затем и сам бизнес, если буду сидеть сложа

руки. Ты теперь понял, что Корчаков – очень опасный человек. Я это давно чувствовала. Но его посадили, и это сбило меня с толку. А зря... Ладно, что-нибудь придумаем.

– Я уже придумал... Тебе сейчас нужно ехать в милицию, объяснить, что случилось в доме. Запроси охрану, заплати деньги, пусть тебя отправят в Черноземск, там сделай все, как надо...

– А ты?

– Мне с тобой нельзя. Если в милиции за меня возьмутся, проверку я не выдержу. А тебе ничего не будет: ты потерпевшая сторона, телохранители твоего подчиненного отбили нападение. А то, что они при этом погибли, уже детали... А мне надо уехать. Прямо сейчас.

– Куда?

Ролан свернул с дороги, отъехал подальше от нее, остановил машину и вышел вместе с Авророй на свежий воздух, чтобы Татьяна Федоровна и дети не могли слышать их разговор.

– Ситуация, сама понимаешь, очень серьезная. Одна группа киллеров погорела, но сразу за ней появилась вторая. Будет и третья. Но, думаю, пара дней у тебя в запасе будет. За это время ты успеешь запереться в своем особняке. Я бы очень хотел быть с тобой, охранять тебя, но ты уже поняла, что в одиночку я с этим не справлюсь. Тут сильная охрана нужна, человек двадцать, не меньше. И как можно реже появляйся в городе. Я тоже пока себя ограничу в передвиже-

нии. Доберусь до места и сяду.

– Куда сядешь? – не поняла Аврора.

– В тюрьму.

– Зачем?

– Кто-то же должен решить проблему с Корчаковым. Нет человека – нет проблемы.

– С ума сошел?! Я не хочу, чтобы ты занимался этим!

– Я тоже не хочу, но я все для себя решил.

– Тебя же на пожизненное запрут!

– За мной ничего такого нет, чтобы на пожизненное. Ну, добавят лет пять за побег.

– И придется в общей сложности отсидеть всего ничего.

Тринадцать – только за старый срок... Всего восемнадцать лет... Нет, я тебя не отпущу!

– Сбегу. Сначала от тебя сбегу, потом из тюрьмы.

– Как будто это так просто...

– Никто не говорит, что просто, но я постараюсь.

– Сбежать он постарается, – с горькой усмешкой проговорила Аврора. – Сначала ты человека убьешь, а потом будешь пытаться... Я не хочу, чтобы ты убивал!

– Я сегодня троих убил. И кто в этом виноват? Корчаков. Если бы он не решился на беспредел, мне бы не пришлось стрелять. И в будущем не придется, если я избавлю тебя от него.

– Ну, я не знаю... – замялась Аврора.

Она понимала, что проблему нужно решать изнутри, че-

рез тюрьму, но ей вовсе не хотелось расставаться с Роланом. Он был дорог ей. Тихонов это знал и именно поэтому шел ради нее на полную авантюру.

– Не переживай, я сделаю все, как надо.

– Я тоже буду бороться.

– А может, не надо? Продай свой бизнес и уезжай.

– Куда?

– Куда угодно. Я везде тебя найду...

– Тогда я просто не буду теряться, чтобы ты меня долго не искал.

Ролан достал из кармана паспорт и права на имя Лиманова, передал их Авроре:

– Пусть они побудут у тебя. Чтобы потом с новыми документами не возиться.

– Разве они тебе сейчас не нужны?

– Нужны. Но если меня возьмут с ними, могут возникнуть вопросы, кто доставал документы, кто за всем этим стоит... А меня обязательно возьмут – не сейчас, так чуть позже.

Ролан попрощался с Авророй. Когда она уехала, вышел к шоссе, поймал попутную машину на Краснодар и отправился в обратный путь. Вот и закончилась его сладкая жизнь... Видно, не судьба ему спокойно жить рядом с любимой женщиной. Может, он не заслужил этого счастья, а может, именно поэтому и предоставила ему судьба шанс завоевать право хотя бы недолго побыть рядом с Авророй. Впереди его ждут трудные времена, и он должен выстоять, чтобы затем

вернуться к ней. Или умереть...

Ему везло: гайшники не останавливали попутные машины, на которых он ехал, не спрашивали у него документы. Правда, сами водители, прежде чем подобрать пассажира, непременно интересовались, есть ли у него деньги, но с ними у Ролана проблем не было. Он не хотел брать у Авроры личность, но пришлось, ведь без нее ему долго не протянуть.

Ролан уже устал считать, сколько пересадок ему пришлось сделать, но все-таки через двое суток он добрался до Святогорска. Неплохо было бы снять номер, чтобы немного перевести дух, но без паспорта его в гостиницу не примут. Да и квартиру без документов не арендуешь. Впрочем, он знал одно место, где на постой могли взять безо всяких бумаг. Туда он и отправился.

Тюрьма находилась на окраине города. С одной стороны теснились старые пятиэтажки, с другой – частный сектор, на западе строился новый микрорайон, а на юге тянулась промзона, огороженная пыльным железобетонным забором. Она представляла собой старое трехэтажное здание из темно-красного кирпича с выкрашенной в зеленый цвет железной крышей и какие-то склады на площади в несколько гектаров.

Ролан не поленился подняться на чердак строящегося рядом многоэтажного дома, чтобы посмотреть на нее сверху. Оказалось, что за старым зданием размещалось другое, более современное, но такой же капитальной постройки, вы-

полненное в форме буквы «П»: основание и два крыла, между которыми размещался прогулочный двор. Половина окон была заложена кирпичом, на остальных – решетки, на плоских крышах вентиляционные раструбы и несколько телевизионных антенн, в том числе спутниковых.

Судя по всему, в старом здании размещался следственный изолятор, а в новом – тюрьма для осужденных. Ролан рассчитывал, что сможет попасть в первый блок, но нужно было очень постараться, чтобы его затем перевели во второй. Именно поэтому он и арендовал на несколько часов такси и на нем отправился вслед за черной «Волгой», которая после шести часов вечера выехала из тюремных ворот.

– Эй, мужик, а чего мы за этой машиной едем? – забеспокоился таксист.

– Брат у меня в тюрьме сидит, – с горестным вздохом произнес Ролан. – Мне к главному начальнику мосты подбить надо, на лапу дать. Чтобы брата не обижали. Он у меня хиленький, а там вокруг такие волки, что держись...

– Да, отребья всякого там хватает.

– Вот я и боюсь за брата. А в кабинете, сам понимаешь, деньги не сунешь, поэтому и хочу узнать, где главный начальник живет. Подойду к нему, поговорю. Деньги есть... Надеюсь, ты меня не ограбишь? – Ролан будто бы с опаской покосился на водителя.

– За кого ты меня держишь?

– А то вдруг завезешь куда...

– Куда я тебя завезу? За «Волгой» вот едем...

Больше у водителя вопросов не возникало, и вскоре Ролан оказался во дворе девятиэтажного дома, куда въехала черная «Волга».

Из машины вышел высокий, худощавый, чуть сутулый мужчина в форме полковника. Он скрылся в подъезде, но не прошло и часу, как появился снова, на этот раз в штатском и с маленькой собачкой на поводке. Мопс абрикосового цвета энергично семенил ножками и вилял хвостом, радуясь прогулке. Нужду он справил недалеко у подъезда, этим и воспользовался Ролан.

– Гадят, где попало! – озлобленно глядя на полковника, рычащим голосом сказал он. – Совсем оборзели!

И поднял ногу, чтобы пнуть собаку. Не хотел он делать ее жертвенной овцой, но если хозяин за нее не заступится, ей придется несладко. Он даже взял паузу, которой полковник и воспользовался. Он толкнул Ролана в плечо, и тот опустил занесенную для удара ногу.

– Ты чо, мужик, уши поел? – заорал на него Ролан. – Рамсы попутал? Да я тебя щас на флаги!

Тихонов ударил полковника в челюсть раз, другой. Нарочно бил несильно, чтобы разозлить его. И добился-таки своего. Сначала он сам пропустил удар в нос, а затем, сбитый подсечкой, растянулся по земле.

– Я тебя сейчас накормлю ухой!

Полковник поймал его руку, заломил за спину. Мимо про-

ходил прохожий, и он попросил его позвонить на «ноль два» и вызвать наряд милиции.

– Скажите, что начальник тюрьмы звонит! – услышал Ролан его голос.

Что ж, можно было поздравить себя с первой победой: Тихонов вышел именно на того, кто ему был нужен.

– Кто начальник тюрьмы?! – взревел он.

– Я начальник тюрьмы, я, – коленкой надавив ему на спину, отозвался полковник.

– Мент поганый! Ненавижу! Смерть легавым от ножа!

– Какой смелый...

– Да я таких, как ты, пачками мочил!

Ролан дергался, изображая попытку вырваться, и полковнику приходилось напрягать все силы, чтобы удержать его. Наверняка это злило начальника. Что ж, именно к этому Ролан и стремился.

– Смотри, как бы самого не замочили!

– Да я твою маму, понял!.. И твою папу...

Все-таки смог он вывести полковника из себя, и подтверждением тому был сильный удар по затылку. Ролан при таком раскладе собирался притвориться, что потерял сознание, но делать ему этого не пришлось – он действительно лишился чувств.

Глава шестая

Молодой круглощекий оперативник не скрывал своего ликования. Еще бы, беглого ээка выявил, а это – благодарность от начальства, а может, и звездочка на погоны.

– Ну, с воскрешением тебя из мертвых, Тихонов!

– Да я и не умирал, начальник.

– Ну как же! Застрелен при попытке к бегству...

– Недострелили, начальник. Конвойный думал, что я в болоте утоп, а я не утоп. Выкарабкался...

– А в Святогорск тебя каким ветром занесло?

– Да тебя, начальник, порадовать вдруг захотелось. Чтобы тебе премию дали... Передай тому козлу, что я сам ему премию выпишу! – якобы от лютой злобы скривился Ролан.

– Какому козлу? – не понял оперативник.

– Да который повязал меня.

– Так ты сам ему и передашь! Полковник Храпов – начальник тюрьмы, и тюрьма эта находится в одном дворе со следственным изолятором, куда ты сейчас и отправишься. Думаю, он захочет повидаться со своим крестником.

– Да плевать я на него хотел! Меня в мою зону возвратят, и хрен что Храпов со мной сделает!

– Может, возвратят, а может, и нет... Так что мой тебе совет: молчи в тряпочку и не воняй.

– Это ты кому сказал? – Ролан волком посмотрел на опе-

ративника. – Мне?! Ты хоть знаешь, что тебе за это будет?

– Знаю, ничего не будет, – стараясь держать марку, мотнул головой парень.

– Ошибаешься, начальник. Я оскорблений не прощаю. У меня уже два побега. И третий будет. Я вернусь сюда – и тебя на перо поставлю, и козла Храпова!

Оперативник думал недолго. Он распорядился увести Ролана в камеру – в ту, где беглец уже провел сутки в компании с бомжом и спившимся интеллигентом, задержанным за пьяный дебош. Но через несколько часов Ролана перевели в пустую камеру, а вскоре появились крепкие бодрые ребята в камуфляже, масках и с резиновыми палками.

Ролан сопротивляться не стал. Он лег на пол еще до того, как его ударили, сжался в комок, закрывая руками и коленями жизненно важные органы. Лицо он защищал в последнюю очередь, потому что по нему маски старались не бить.

Может, потому, что Ролан молча сносил побои, менты не стали зверствовать. Нанесли ему с десятков ударов, пара из которых, впрочем, пришлась в область почек, и на этом приостановили экзекуцию.

– Ну, и кого ты на перо поставить хотел? – спросил один.

– Никого! Я больше не буду!

– Ну, тогда живи.

Его схватили за шкурку, вытолкали в коридор, дежурный милиционер принес ведро с водой и швабру с тряпкой.

– Десять минут у тебя. Чтобы все блестело, как... А то

самому начистим! Пошел!

У Ролана болели ребра, еще больше саднила отбитая почка, и каждое движение давалось с трудом. Но делать нечего, надо было браться за работу.

В камеру он вернулся злой как собака. Бородатый бомж сидел на нарах, подобрал под себя ноги, и, глядя на него, скалил гнилые зубы. Воняло от него нестерпимо, но Ролан знал, что скоро обоняние притупится и он перестанет страдать. Однако злость сделала свое дело, и он волком набросился на бедолагу. Ролан выволок бомжа на середину камеры, сбил с ног, пяткой ударил в живот.

– Бить буду, пока не сдохнешь!

– Не надо! – жалобно прохрипел перепуганный бомж.

– А я сказал, сдохнешь! Давай шмотье свое стирай, падла!

И сам в баню!..

Камера была обрудована умывальником, но вода в кране текла только холодная. Зато имелось хозяйственное мыло, которым Ролан для острастки швырнул в бомжа.

– Урою, мразь, если вонять будешь!

Ролан ощущал себя человеком-оборотнем. В его жизни снова наступила ночь, и он превращался в лютого волка. И клыки вдруг прорезались, и когти, и сознание, казалось, зарастает дремучей шерстью.

Бомж разделся до трусов, расстелил на полу свою одежду, намочил ее и стал натирать мылом. Время от времени Ролан подгонял его, когда словами, а иной раз и пинками. В конце

концов одежда была кое-как выстирана, выполоскана и разложена для просушки на втором ярусе нар. Дальше пошло веселее. Бомж долго стоял перед краном, не решаясь набрать в ладони воды, чтобы растереть ее по телу. Но Ролан помог ему – наполнил тазик для мытья полов и окатил его водой с ног до головы. Дальше бомж делал все сам...

Одежда постирана, тело вымыто, но бомжацкая вонь еще долго витала в камере. Зато к утру остался только запах прелой, не совсем просохшей материи. Ролан избавил камеру от зловония, но в тот же день камера избавилась от него самого.

Бомж и спившийся интеллигент остались на нарах, а его вместе с тремя заключенными вывели во двор, где у открытых дверей автозака со скучающим видом стоял молодой розоволицый сержант в милицейском камуфляже и с резиновой палкой, которой он легонько постукивал по ладони левой руки. На откормленном лице играла пренебрежительная ухмылка, призванная убедить заключенных в том, что ее обладатель должен восприниматься не иначе как царь и бог.

– Че скалишься, клоун? – презрительно хмыкнул угрюмого вида мужчина лет сорока с массивной головой и нездоровым цветом лица.

Казалось, голова его была настолько тяжела, что не могла держаться на отнюдь не тонкой шее. Он низко опустил ее, исподлобья глядя на сержанта. Мужик и сам был не хилого телосложения, плотным, широким в кости, и уверенно стоял на слегка разведенных в стороны ногах.

– Кто клоун? – в замешательстве и даже беспомощно вскрикнул сержант.

Он сделал шаг вперед, но его показная резкость ничуть не испугала заключенного. Он лишь криво усмехнулся и сплюнул сержанту под ноги. В приступе бессилия парень замахнулся дубиной, но начальственный окрик осадил его:

– Отставить!

Из дверей изолятора временного содержания с папками личных дел под мышками вышел низкорослый прапорщик с глазками-бусинками на заплывшем жирком лице.

– Давай всех в машину, поехали! – направляясь к кабине автозака, скомандовал он.

Но его самого остановил резкий окрик более высокого начальника. К заключенным со стороны ворот в сопровождении начальника РОВД приближался полковник Храпов собственной персоной.

– Куда поехали? – набросился он на прапорщика. – Где сопровождение?

– Э-э... – растерялся тот.

– Почему не проводился осмотр заключенных? Почему не приняты жалобы?

– Ы-ы, э-э... – прапорщик с жалким видом показал на кучу папок с личными делами.

Вряд ли он подчинялся начальнику тюрьмы, ведь прапорщик был старшим этапа в следственный изолятор, которым руководил другой человек. Но тюрьма и СИЗО размещены

на одной территории, и Храпов мог доставить прапорщику большие неприятности.

– Я вижу, что вы дела приняли. А людей кто будет принимать?

– Строиться! – растерянно скомандовал начальник конвоя.

Но в струнку вытянулся только напуганный очкарик с маленьким носом-кнопкой. Костлявый лопоухий мужчина в брезентовом плаще а-ля Кузьмич всего лишь встал вровень с ним. Зачинщик смуты и Ролан даже не шелохнулись.

– Плохо, товарищ прапорщик, очень плохо. А ведь вы собираетесь перевозить особо опасного преступника. Причем уже осужденного на тринадцать лет. – Храпов встал напротив Ролана, вперил в него жесткий, испепеляющий взгляд. – Осужденный, у которого два побега... Два!.. Вы, товарищ прапорщик, хотите, чтобы он совершил сегодня третий побег?

– Да нет, мы его... Мы его в бараний рог!..

– Слышишь, Тихонов, тебя в бараний рог хотят скрутить, – махнув рукой на прапорщика, сказал Храпов.

– А крутилка не сломается?

– Давай проверим! – усмехнулся полковник с чувством полного превосходства над арестантом.

– А жим-жим не сыграет? Я ведь и сбежать могу. Тебе за это клизму сделают... Или тебе клизмы нравятся?

– Не пойму, чего ты добиваешься, Тихонов?

– А ничего не добиваюсь! Просто меня от ментов тошнит. Всех бы на флаги порвал!.. Я как твою ментовскую рожу увидел, так и взбесился...

– Ну, смотри, сам напросился.

Храпов едва сдержался, чтобы не ударить Ролана. Резко повернулся на каблуках к нему спиной и направился к воротам.

– Вешайся, Тихонов! – заголосил прапорщик. – Я тебе такую жизнь устрою, что ад раем покажется!

Он явно хотел, чтобы его услышал начальник тюрьмы, но тот, казалось, и ухом не повел.

Ролан промолчал, но это не избавило его от унижительной процедуры. Два подоспевших милиционера скрутили ему руки за спиной, сковав их наручниками, затем втащили в кабину автозака и закрыли в специальном «стакане» для особо опасных преступников.

Пока это был первый случай, когда Храпов по собственной инициативе усложнил ему жизнь. Да и то, что он появился на территории райотдела внутренних дел, уже говорило о многом. Полковник явно не равнодушен к судьбе Ролана и готов принять в ней самое деятельное участие.

Ролан помнил свое первое путешествие в автозаке. Тогда их в фургон загоняли как скот – конвоиры в два ряда, собаки, пинки ногами, тычки дубинками, шум, гам. Душный фургон был забит до отказа, а сейчас в нем всего три человека, и он четвертый, но в таком тесном закутке, что не развернешься.

Стенки у «стакана» сплошные, только в двери пять отверстий сверху и столько же снизу. И сиденье откидное, но на такой высоте, что ноги остаются на весу, если сядешь на всю глубину – а по-другому и не получится, потому что коленки упрутся в двери. И это при том, что в общем отсеке сиденья мягкие и низкие. Впрочем, все это пустяк по сравнению с тем, что Ролан могло ждать впереди.

Пока машина ехала по городу, сквозь стенки фургона он слышал шум проезжающих мимо автомобилей, гул трамваев, сигналы клаксонов, а потом вдруг все стихло. Чуть погодя машина остановилась. Послышался скрип, дробный стук отъезжающих ворот, и автозак въехал на территорию следственного изолятора. Открылась основная дверь в фургон, затем решетчатая, и арестованных вывели из фургона. Было слышно, как лает собака, как покрикивают конвойные. Ролан ждал, когда и его выпустят из отсека, но время шло, а о нем как будто все забыли.

Двери фургона закрылись, машина поехала дальше, затем снова послышался шум электродвигателя – это отходили в сторону железные ворота. Но не было знакомого уже скрипа, только легкое постукивание, и двигатель работал не в пример тише. Это другие ворота, и Ролан знал, какие. Он видел их с высоты многоэтажки – они вели на огороженную территорию тюрьмы, в которой царем и богом был Храпов. Быстро же свершился переход Тихонова в «мир иной». Не думал он, что все будет так скоро...

Ролан ждал, когда откроется дверь, когда его выведут на свежий воздух и снимут наручники, но за ним никто не приходил. А еще над головой погасла лампочка, и, когда стемнело, он оказался в крошечной тьме.

Стальные браслеты давили на запястья, кисти рук затекли. Онемело и тело, скованное теснотой «стакана». Ролан пробовал кричать, стучать ногами по стенке фургона, чтобы привлечь к себе внимание, но бесполезно. Шло время, а за ним никто не приходил.

Сначала ему остро захотелось по-маленькому, затем по-большому, но справить нужду хотя бы под сиденье не было никакой возможности, оставалось только сходить под себя. Но Ролан терпел, надеясь, что его все-таки выпустят из автозака...

А еще у него разболелась рука. Рана на предплечье до сегодняшнего дня успешно заживала, но, похоже, процесс пошел вспять. Видимо, плохо поступая в кисти руки через сдавленные запястья, кровь застаивалась в предплечье, оттого рана, возможно, начала загнивать.

Ночь стала для него кошмаром наяву, но все-таки он дождался утра. Свет через окно проник в фургон, а оттуда – через вентиляционные щели в двери «стакана». А еще через какое-то время автозак вдруг отправился в путь. Ролан застучал по переборке, требуя выпустить его, но машина сначала выехала за ворота и только тогда остановилась.

Он слышал, как открылась одна дверь, затем другая. На-

конец Ролан увидел человека в милицейском камуфляже. Из-за его спины лучился утренний свет, и казалось, что вокруг головы охранника сияет нимб святого.

– Ну, и какого ты здесь прятался? – спросил он, помахивая дубинкой.

Хорошо, что прошедшая ночь вконец измотала Ролана, и у него просто не оставалось сил произнести ни слова, иначе он обязательно что-нибудь ляпнул бы в ответ на такую наглость.

– Давай на выход! – «Святой» схватил его за шкурку и вытолкал из автозака.

Ролан не смог удержаться на подножке фургона и растянулся на земле, больно ударившись подбородком о бордюр. В голове что-то щелкнуло, перед глазами, расплываясь, пошли красные круги, но сознания Тихонов не потерял. Он даже смог самостоятельно подняться – и тут же на него с грозным лаем прыгнула матерая овчарка. Она метила ему в горло, но кинолог удержал ее на поводке, и Ролан отделался только испугом, хотя вряд ли его можно было назвать легким.

Собаку оттащили, а на ее месте появился офицер в синем камуфляже с майорскими звездами на погонах. Узкий лоб, но широкие скулы, глаза скошены щелочкой от переносицы к мочкам ушей, губы полные, мокрые, на подбородке приклеен пропитанный кровью кусочек газеты – видно, побрился неудачно.

– Фамилия? – грозно спросил он.

– Тихонов Ролан Кириллович. Осужден по статье сто пятой, части второй...

– Уже осужден? – изобразил удивление майор. – Ну да, ну да, говорили, что к нам такой идет... Говорили, что склонный к побегу рецидивист к нам идет. А он, оказывается, не только склонный, он еще и убежал. Не успели привезти, а он уже сбежал!

– Сбежал, сбежал... Признаю свою вину.

Ролан, казалось, готов был признаться в убийстве принцессы Дианы, лишь бы над ним смилостивились и отвели в туалет. По-большому он перехотел, а малая нужда казалась ему сейчас просто исполинской потребностью.

– А куда ты денешься, конечно, признаешь!

– Начальник, мне бы до ветру...

– Ничего, потерпишь.

– Начальник, я хороший. Жаловаться не приучен.

– Да, и кличка у тебя Святой, – куражился майор.

– Нет, погоняло у меня Тихон. Тихий я. Спокойный. Но меня лучше не злить. Я без ошибок пишу. И куда писать, знаю. Прокурору по надзору, раз. В ваше главное управление, два. В комитет по защите прав человека, три. Ну, еще пару выстрелов для подстраховки. Чернильных выстрелов... Ты, начальник, беспредел творишь. Нельзя человека в наручниках долго держать. А ты держишь.

– Я держу?! – засмеялся майор. – Ну, ты шутник!

– Посмотрим, как ты будешь шутить, когда у меня гангрена начнется. У меня рука раненая, рана гниет. Ты наручники сними, глянь...

Но конвоирам не обязательно было снимать наручники, они и без того поняли, что с рукой у задержанного плохо. Рана кровоточила и начала гноиться, и вся эта физиология вылезла наружу темно-бурым пятном на куртке.

Наручники с Ролана в конце концов сняли и в срочном порядке направили его в санчасть следственного изолятора. Оказывается, беглеца не стали сразу переводить на тюремное заключение, на что он надеялся. Или Храпов передумал, или он вообще не ставил перед собой задачи забрать Ролана к себе. Может, попросил начальника следственного изолятора попугать его немного. Как бы им эти забавы боком не вышли. Кисть правой руки после наручников потемнела. Уж не гангрена ли начинается?

Но до санчасти еще нужно было дойти. Через железную дверь с толстым потрескавшимся слоем краски Ролана провели в гулкое, зарешеченное с двух сторон помещение с длинным дощатым столом, над которым висела засиженная мухами лампа под жестяной примитивной абажурой.

– Эльхимов где? – раздраженно спросил майор у кого-то из своих подчиненных.

- Так рано ж, этапов еще нет, – отозвался один из бойцов.
- Умный, да? Если умный, сам давай в булках ковыряйся.
- Так я сейчас Эльхимова крикну, он в кладовке, навер-

ное... А этого до ветра можно...

Один конвойный, не очень молодой парень с резкими, можно даже сказать, уродливыми чертами лица, пересек помещение и скрылся за гремящей решетчатой дверью, а его напарник, молчаливый, склонный к полноте мужчина с лысой головой, отвел Ролана в туалет.

В тесном, слабо освещенном помещении было относительно чисто, но бачок, как всегда, тек, и в унитазе журчала вода, оставляя ржавые потеки. Но воспаленным своим воображением Ролан воспринял этот звук как шум Ниагарского водопада и целую минуту ощущал восторг свободного полета. Но эйфория закончилась, и вслед за чувством облегчения он ощутил казенно-прогорклый запах неволи. Тихонов снова в каменном мешке. Впереди долгий срок, и еще ему придется доказывать свое право на жизнь в стае волков. Ну, и о Корчакове он тоже не забывал. Ролан должен был костями лечь, но добиться перевода в тюрьму для осужденных.

Все это время конвойный стоял у открытой двери, приглядывая за ним. Он следил, чтобы Ролан не перепрыгнул в самое надежное на данный момент место свои сбережения. Но надеялся пожить он зря: все давно уже спрятано, и совсем не важно, что это доставляет неудобства. Без денег будет еще неприятней.

Досмотрщик Эльхимов, черноволосый прапорщик с восточным разрезом глаз, не заставил себя долго ждать. Пристально и с насмешкой глядя на Ролана, он ладонями гладил

свои предплечья, делая вид, будто закатывает рукава. Сейчас, сейчас...

Хабара у Ролана не было, но Эльхимов распорядился вывернуть карманы. Тихонов выложил на стол одноразовую бритву, зубную щетку в футляре, носовой платок, пачку сигарет, зажигалку, две смятые тысячные купюры – для отвода глаз.

– Куртку снимай, да, – потребовал прапорщик.

Ролан покорно кивнул, но, снимая куртку, сделал вид, будто сильно потревожил рану, и удачно изобразил обморок. Падая, он якобы случайно зацепился локтем о стол, стукнулся, и боль как бы вернула его в чувство. Сознание он не потерял, но предобморочная немоть осталась. Он еле держался на ногах.

– Твою свинью! – выругался досмотрщик.

Он похлопал Ролана по бокам, по карманам брюк, задрал штанину, ощупал одну голень, другую, заставил снять туфли, обследовал их, выдернул из подошвы супинатор, из которого можно было сделать заточку. На этом обыск и закончился. Не рискнул он лезть к Ролану в душу через задний проход.

В следующем зарешеченном помещении с прицелом на черно-белую шкалу ростомера у крашеной кирпичной стены стоял фотоаппарат на штативе, чуть в стороне – стул напротив зеркала, машинка для стрижки волос. Напрасно Ролан изображал предобморочное состояние – его и сфотографировали, и обрили налысо. Он пытался протестовать, но кон-

тролер, исполнявший роль парикмахера, объяснил, что иначе в санчасть педиков не принимают. Ролана взбесила такая вольность в общении с ним, но парень объяснил, что так он якобы называет вшивых зэков – тех, кто страдает педикулезом.

– У тебя жена есть? – спросил Ролан, глядя в его наглую физиономию.

– При чем здесь это?

– Значит, есть. Или жена, или девушка. И педикюр она делает... С кем же ты тогда спишь?

Парень промолчал под насмешливые взгляды конвойных, но когда стриг Ролана, нарочно до крови расцарапал машинкой ему лысину. Хорошо еще, что не задел тонкий слой кожи, прикрывавший платиновую пластину в голове.

Следственный изолятор был построен и оборудован в классическом стиле: здесь не было закрытых лестничных шахт, все переходы с этажа на этаж открытые, железные, гремящие, на каждом шагу – решетчатые шлюзы и защитные металлические сетки. Ролана вели по переходу нижнего этажа, и, поглядывая вверх, он видел надзирателей, наблюдающих за камерами. А еще он заметил баландера в белом халате, слышал, как тот катит свою тележку, как открываются кормушки в дверях камер. Время еще раннее, в изоляторе только завтрак. Но у него что-то не было аппетита. Ролана подташнивало и даже знобило: похоже, поднялась температура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.